

Михаил БАРУ

«НЕ ИМЕЮЩИЙ ИЗВЕСТНОСТИ»

Продолжение. Начало см. Волга. 2023. № 3-4

Прежде чем рассказывать, собственно, о жизни города в восемнадцатом веке, нужно сказать, что в этом веке он, не сходя с места, побывал в четырех губерниях. В семьсот восьмом году при разделении России на восемь губерний Порхов по указу Петра Первого был приписан к Ингерманландской губернии, которую через два года переименовали в Санкт-Петербургскую. Еще через девять лет по новому царскому указу Порхов стал городом Новгородской провинции Санкт-Петербургской губернии и в семьсот двадцать седьмом году уже по указу Екатерины Первой отошел вместе с Новгородской провинцией к новообразованной Новгородской губернии. При этом Порхов потерял свой уезд, который ему вернули лишь в семьсот семьдесят третьем году по указу Екатерины Второй. Для того чтобы вернуть уезд, новгородский губернатор Яков Ефимович Сиверс обратился в Сенат с представлением о разрешении ему «отчислить пристойное количество погостов из Новгородского уезда» к Порхову. Сенат согласился, императрица утвердила сенатский доклад, и в соответствии с докладом к Порхову «который прежде никакого уезда не имел» были причислены из Шелонской пятины его же собственное порховское околородье и еще ряд погостов, в которых проживало на тот момент чуть более тридцати одной тысячи жителей.

На этом странствия Порхова не кончились. Через три года Порхов отделили от Новгородской губернии и приписали ко вновь образованной Псковской. В семьсот семьдесят седьмом году Порхов назначен уездным городом Псковского наместничества, которое было образовано по указу Екатерины Второй из... Псковской губернии. Наконец, в семьсот девяносто шестом году Псковское наместничество снова было превращено в Псковскую губернию, и Порхов остался в ней уездным городом на ближайшие сто с лишним лет.

Теперь о жизни, которой жил город в восемнадцатом веке. Первая половина столетия была для Порхова... продолжением второй половины столетия семнадцатого. Дворцов и соборов никто не строил, заводов и фабрик никто не заводил. Поскольку заводов и фабрик не было, то и рабочих не имелось. Придется пересчитать ремесленников, которых... кот наплакал. В конце первой четверти восемнадцатого века в Порхове проживало пять портных, один серебряник, один медник, четыре кузнеца, три кожевника, четыре сапожника, один крашенинник и один овчинник. Семь семей занимались рыболовством и в них рыбу ловили все, включая кошек и собак. Еще три семьи были на все руки мастера и промышляли кожевным, овчинным, сапожным, рукавичным, бочарным и колесным производствами. Немного, что и говорить. К примеру, в Торопце, уездном городе той же Новгородской губернии, при сопоставимой численности населения, в то же самое время одних кожевников было тридцать шесть, не говоря об извозчиках, кафельщиках, слесарях и промышляющих «письмом», которых в Порхове и вовсе не было. Городская торговля была родной сестрой порховского промышленного производства в том смысле, что не торопилась развиваться. Да и как ей развиваться, когда в городе не проходило ни одной ярмарки. Маленький Порхов посреди нового времени жил вполне средневековой жизнью. Он действительно был маленький – в семьсот сороковом году он состоял всего из двухсот двадцати пяти дворов. В общей сложности в городе проживало немногим более двух тысяч человек, при том, что средняя семья состояла из шести человек. Может, их и было бы больше, но в семьсот десятом году по Порхову прошлось моровое поветрие, опустошившее перед этим Гдов и Песков. Из общего числа горожан почти девяносто – посадские. Еще восемьсот шестьдесят семь – крестьяне. Пятьдесят семь дворян и шестьдесят четыре священнослужителя²⁵. Порхов был молод – две третьих его населения составляли дети разных возрастов. У небольшого городка были под стать ему небольшие и совсем

маленькие монастыри – в Рождественском обитало девять монахов и игуменя, а в Спасском – иеромонах, два монаха и два работника из крестьян. Успенский женский монастырь был так мал и так захудал, что его и вовсе упразднили при Екатерине Второй в семьсот шестьдесят четвертом году.

Все же к концу первой половины восемнадцатого века порховская промышленность... нет, она так и не появилась, но порховская торговля, пусть и не вся, а только торговля зерном, пусть и не расцвела, но пошла в рост, да так пошла, что девяносто процентов зерновых культур, если судить по псковским таможенным книгам, продававшихся и покупавшихся во Пскове, происходили из порховских вотчин. Привозили порховичи на продажу рожь, пшеницу, правда, раз в пять меньше, чем рожь, привозили овес, ячмень, гречку, садовый хмель, горох и конопляное семя.

Кроме зерна торговали тогда, как и сейчас, тем, чем у нас в России торговали всегда – лесом. В середине восемнадцатого века в Псковской губернии в продаже большей частью был сосновый и еловый лес. Тогда, как и сейчас, уходил этот лес в основном за границу. Уходил через Нарву. Торговля эта привела, однако, к конфликту между порховскими лесоторговцами и порховскими помещиками, владевшими обширными лесными угодьями. Помещикам посредники в лице порховских купцов были без надобности – они хотели продавать свой лес непосредственно нарвским купцам и их комиссионерам. Порховские лесоторговцы, а вместе с ними и купцы других городов Псковской губернии, при таком раскладе оставались... не сидели сложа руки, а накатали письмо в правительство и в этом письме просили запретить закупку леса нарвским купцам минуя местных посредников. Они еще и в Уложенную комиссию отправили наказ, в котором жаловались на помещиков, запрещающих вблизи городов своим и посторонним крестьянам рубить лес. Мало того, что это приводит к дефициту и дороговизне леса, так еще и «через то граждане претерпевают в строении домов и в заготовлении дров немалую нужду». Вот с этого момента мы можем говорить о зарождении порховской промышленности, пусть и в микроскопическом масштабе. Две порховские помещицы – Бороздина и Култашева завели в своих имениях пильные мельницы, которые, конечно же, еще не настоящие заводы с управляющими, мастерами, рабочими и квартальными премиями, но мы будем их называть заводами – с чего-то же нужно начинать. Оба этих завода на местный рынок ни одной доски не поставляли – все уходило на экспорт.

В семьсот шестьдесят девятом году правительство, желая развить текстильную промышленность, прислало в городской магистрат полтора десятка билетов на годовое разрешение завести станы для производства тканей, получаемых из-за границы. Дело в том, что порховичи ткали и ткали себе по домам и налогов платить не собирались, а по закону «при первоначальном заведении фабрик... за нужно почтено было, чтоб кроме оны, никто... тем же рукоделием не промышлял». Правительство очень хотело увеличить, выражаясь современным языком, свою налоговую базу, а порховичи... но их мнением на этот счет правительство не интересовалось. Билеты желающим раздавал воевода. Между прочим, это был последний порховский воевода – коллежский асессор Вараксин. При нем в крепости еще находились воеводская канцелярия, тюрьма, винные и соляные амбары и несколько домов, занимаемых чиновниками.

Почти в то же самое время, когда порховский воевода пытался раздать билеты на разрешение заводить дома ткацкие станы, порховичи просили власти учредить в городе ярмарки и торговые дни, которых «ни единого в год не бывает». Правду говоря, порховичам вся эта текстильная промышленность... В описываемое время лишь около пяти процентов горожан занималось каким-либо ремеслом – остальные девяносто пять с лишним процентов или сто одиннадцать семей числились хлебопашцами. Из этих ста одиннадцати семей восемьдесят семь только им и занимались. Еще двадцать две семьи сочетали его с торговлей, и только две семьи с ремеслом. Какая уж тут текстильная промышленность и вообще промышленность.

Немного городской хроники. В семьсот семьдесят втором в Порхове случился большой пожар, в результате которого полностью выгорело сто сорок три двора. Каменные дома не выгорели, потому как их в городе еще не построили. Фабрик и заводов по-прежнему никто не

заводил. Зато возвели на народные пожертвования каменный собор во имя Николая Чудотворца взамен старой ветхой деревянной церкви, которую Новгородский митрополит распорядился за шесть лет до того разломать. Обошлось строительство в семь тысяч рублей.

Немного уездной хроники. В семьсот семьдесят шестом году взбунтовались крестьяне самого богатого порховского помещика графа Матвея Апраксина в имении Зарабочье. Взбунтовалось не два и не десять человек, а три тысячи. Графские крепостные отказались выходить на барщину и отправили ходоков в столицу с жалобой на невыносимые поборы, барщину почти во все дни недели и издевательства со стороны своего помещика. Тех, кто все это отказывался терпеть, их сиятельство отдавал в солдаты или отправлял в каторжные работы. Кончилось тем, что мужики не просто отказались выходить на барщину, а ушли в лес, оставив в избах жен и детей. В Зарабочье прибыл порховский исправник и вслед за ним прибыла воинская команда для наведения порядка. Порядок навести не удалось, а бунт вместо того, чтобы прекратиться, перекинулся точно пожар на соседнее имение. Дело дошло до императрицы, и она приказала Псковскому наместнику генерал-поручику Якову Сиверсу «Команду воинскую, находящуюся в деревне графа Матвея Апраксина, Псковского наместничества Порховского уезда лежащей, прикажите из оной тотчас вывезть; по содержанию же записи, при сем вложенной, препоручите уездному суду в точности исследовать и вас уведомить для немедленного мне донесения». Порховский уездный суд провел расследование, результаты его были доложены царице и, как она писала Сиверсу, «оказалось, что деревни графа Матвея Апраксина, в том уезде состоящие, подвержены были крайним жестокостям иотягощены необычайными и самыми разорительными поборами. В отвращение того Мы за благо и нужно находим, чтоб верхний земский суд Псковского наместничества к деревням помянутого графа Апраксина определил опекунов, которые, обложая те деревни по состоянию их против околичных, другими помещиками владеемых, управляли бы оными добропорядочно на основании Учреждения об опеках и, собирая положенные доходы, исправно казенные в казну, а помещицы графу Апраксину отдавали; и вследствие того дать указы в те деревни, дабы оные в послушании определяемым опекунам и под их распоряжением состояли». Принятые меры... не помогли, и тогда Екатерина Алексеевна приказала «Для удержания в должном повиновении крестьян в деревнях графа Матвея Апраксина, состоящих в Порховском уезде, требуемую вами воинскую команду прикажите ввезть и расположить в тех деревнях, подтвердя начальнику ея, чтоб она отнюдь по них не стреляла и никакого вреда, и разорения им не делала, но только осталась в жилищах их до тех пор, покуда сии крестьяне обратятся к надлежащему послушанию». Часть крестьян все же не хотела обращаться к надлежащему послушанию, и тогда царица, потеряв терпение, написала Сиверсу: «...а между тем ничто вам не препятствует противящихся предать суду уездному, не употребляя, однако ж, мер военных».

В мае семьсот восьмидесятого года через Порхов в направлении Могилева проехала Екатерина Вторая. Не просто так проехала, как проезжают иные цари по свежееуложенному асфальту перерезать какую-нибудь красную ленточку, выступить перед собранными по этому случаю на митинге обывателями, отобедать чем бог послал у городничего и укатить дальше, а остановилась, ознакомилась с делами и... Впрочем, вот что записано об этом событии в документе под названием «Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород»: «Онаго города присутствующие, также дворянство и купечество жалованы были к руке, а между тем собраны были по всем присутственным местам сведения о каждом особенно и о всех вообще, о успехах в судопроизводстве, о колодниках, о нерешенных делах, об училищах, больницах, о торге, промыслах, фабриках, заводах, о числе всякого звания жителей, о доходах, недоимках, также об общих пользах и нуждах этого города. По освидетельствовании присутственных мест оказалось, что по учреждению о губерниях, все места для управления находятся в действии, снабдены установленным числом заседателей и приказных служителей. Дела в срочное время не всегда очищаются за справками. Нерешенных дел сорок три, в том числе уголовных два. Колодников семь. Денег на лицо от разных сборов две тысячи двести сорок рублей. Недоимок за прежние годы одиннадцать тысяч триста девяносто четыре рубля; оброчные статьи на откуп за восемьдесят девять рублей. Жителей всякого

звания тридцать тысяч двести шестьдесят четыре. Церквей в городе две, в уезде сорок четыре; монастырей три. Купечество торгует только в своем городе всяким лавочным товаром на десять тысяч рублей. Под призреванием опеки дворян шесть, под призреванием сиротского суда мещанских детей три. Общие нужды состоят в том, что, после пожара, не в силах строиться по плану. Ея Императорское величество соизволила пожаловать сему городу: на построение ста дворов две тысячи рублей; на училище сто рублей; на богадельню сто рублей, трем монастырям на каждый, по двести рублей, да на построение соборной церкви в три года семь тысяч рублей. В том городе был обеденный стол, после которого были допущены к руке того уезда дамы, и потом, в 3 часу пополудни, изволила отправиться далее в путь...».

Нельзя сказать, что Порхов на следующий день после визита Екатерины Великой зажил новой жизнью, но в ноябре следующего года был подтвержден новый план Порхова, и город по нему начал строиться. Попробуй не начини, если императрица дала на построение ста дворов две тысячи рублей. На полях этого плана заметим, что в Порхове к тому времени было десятка три улиц разной длины и переулков. Улицы, а тем более переулки, названий не имели. Названием наградили только одну улицу – Дворянскую. Впрочем, и эта улица была не столько улицей, сколько набережной торговой стороны города. Здесь же, в торговой части города находился и дом городничего. В этой же части города как раз перед визитом императрицы был построен питейной дворец со службами и городской магистрат.

Через три года после визита на подаренные семь тысяч рублей начали строить посреди города Троицкую соборную церковь и за три года ее построили. Раз уж зашла речь о церкви, то нельзя не сказать, что через семь лет после первого визита императрица снова проехала через Порхов по пути в Киев²⁶ и подарила городу серебряное позолоченное блюдо. В середине блюда был герб Псковской губернии и вокруг него надпись: «Осенением небес, учреждением Вторья Екатерины», а по краям вычеканена другая надпись: «Всемиловитейшей Государыни Императрицы Екатерины Вторья премудрая матери отечества во время Ее Величества благоволительного чрез Псковское наместничество шествия на сем поднесено от Псковского градского общества хлеб и соль в 1787 году». Блюдо это хранилось в соборной церкви до девяносто двадцать второго года, а потом... пропало. Через тридцать восемь лет пропала и сама церковь.

Между утверждением плана строительства Порхова и началом постройки соборной церкви в семьсот восемьдесят втором году утвердили герб Порхова «в голубом поле древний, много потерпевший от осад замок, обновляемый починкою, что означает возрастающее ныне благосостояние онаго». Что касается «обновляемого починкою», то можно было бы вспомнить, как за полтора десятка лет до утверждения герба полицейское управление Порхова завело дело «о разломке воротной стены», но кто старое помянет...

Про подаренные монастырям и городской богадельне деньги говорить смысла нет, а вот про то, как порховские власти распорядились сотней рублей, которые Екатерина Вторая дала на организацию малого народного училища, стоит рассказать, но поскольку его организовали лишь через десять лет после ее визита, мы сначала скажем несколько слов о торговле и промышленности, которые стали развиваться в Порхове и уезде в последнее двадцатилетие восемнадцатого века.

Между всеми этими пожертвованиями и торговлей вкупе с промышленностью втиснем подписанный четвертого августа семьсот восемьдесят четвертого года императрицей указ об учреждении в Порхове почты и новое каменное здание присутственных мест, начатое постройкой в этом же году.

На мелкой лавочной торговле и общепите задерживаться не будем – ничем особенным они не выделялись. Не писать же, в конце концов, про пять питейных домов, питейную контору и пивоварню, которые никто и не думал не заводить – они к тому времени сами собой завелись. По поводу торговли оптовой «Новый и полный географический словарь Российского государства», изданный в семьсот восемьдесят восьмом году, сообщал, что «Купечество сего города, коего здесь до 400 душ мужеска полу числится, торгует льном и хлебом, отправляя оной рекою Шелонью в С. Петербург». Если же говорить о промышленности, то первыми промышленниками в городе и уезде были вовсе не купцы, а дворяне. В Порхове в семьсот восемьдесят четвертом году

работали две фабрики – чулочная и парусинная, принадлежавшие помещице порховского уезда генерал-поручице Бороздиной. Ей же принадлежали винокуренный и стеклянный заводы. Еще одним винокуренным заводом и еще одной парусинной фабрикой владел полковник Кожин²⁷. По одному винокуренному заводу принадлежало помещикам Щербинину, гвардии поручику Корсакову и генерал-майору князю Мещерскому.

Парусинная фабрика Кожина, находившаяся в уезде, уже была настоящей фабрикой, а не кустарной мастерской. За год до конца восемнадцатого века на ней работало двадцать пять человек, среди которых были управляющий, мастера, подмастерья, ученики и неквалифицированные подсобные рабочие. Обслуживали они двадцать пять ткацких станов и работали на собственном сырье – пеньке и льне. Перерабатывали довольно большие количества сырья. К примеру, за девяносто девять лет на фабрике переработали без малого двадцать тонн пеньки и льна. Кроме собственно парусины, производили равендук и фламандское полотно. Парусинный холст отправляли на продажу в Санкт-Петербург, а льняной равендук разного качества, который представлял собой ту же самую парусину, только тонкую, продавали в Порхове и в Псковской губернии. Из него шили одежду, шторы и занавески. Там же продавали и фламандское полотно, которое, как и равендук, было разновидностью парусинного холста. По тем временам фабрика Кожина была в масштабе Псковской губернии довольно крупной. В среднем за год продавали двести двадцать пять штук полотна каждого вида. Штука полотна представляла собой ленту шириной от сорока до шестидесяти сантиметров и длиной в сорок восемь локтей или около двадцати трех метров. Выходит, что в год двадцать пять крепостных рабочих производили немногим более пяти километров каждого вида полотна.

Занимались в Порхове и выделкой кож. В семьсот восемьдесят девятом году в городе работал кожевенный завод купца Гленцера и еще один... везде успевающей генерал-поручицы Бороздиной. Конкуренцию этим заводам составляли крестьяне Порховского уезда, тоже занимавшиеся выделкой кож. Любящие жаловаться в вышестоящие инстанции псковские купцы в очередном своем наказе в Уложенную комиссию писали: «не меньше ж того по уездам же имеют крестьянство и кожевенных промышленных заводов и, передуывая во оных накупленные ими кожи, производят в продажу, и сверх того, переделав же оные в обувь и рукавицы, развозят по уездам и продают же жительствующим в деревнях и около озер рыбным ловцам и прочим обывателем, и тем псковскому купечеству, имеющим таковые промыслы, в торгах и промыслах причиняют немалый подрыв и помешательство».

Раз уж зашла речь о «рыбных ловцах», то скажем и о порховской рыбной торговле. Рыба в Порхове была самой дорогой в губернии и мелкой. Тогда она делилась на четыре категории – живую, сонную, вяленую и соленую. Фунт живых щук стоил пятак, а сонных или соленых, или вяленых на полкопейки дешевле. Дороже на копейку стоил фунт живых лещей, дороже на две – живых сомов, дешевле фунта щуки на полкопейки – фунт окуней, а ерши с уклеиками продавались и вовсе гарнцами, то есть четвертями ведра, и стоили по две копейки за эту самую четверть. Самым дорогим был угорь, стоивший целых двенадцать копеек за фунт.

Пожалуй, хватит о торговле и промышленности последней четверти восемнадцатого века. Заметим только, что калачи, продававшиеся в городе, были одними из лучших в губернии, а выбор мяса был богаче, чем в самом Пскове. В Порхов лучшие сорта говядины привозили из Лифляндии.

Перед тем как приступить к рассказу о малом народном училище, нужно хотя бы несколько слов сказать о пожаре, случившемся в семьсот девяносто втором году. Ближе к вечеру восемнадцатого апреля загорелся деревянный дом купца Агеева. Дул сильный ветер, и через четверть часа Порхов запылал в разных местах. Сгорело двадцать девять каменных домов, сто тридцать три деревянных, восемнадцать лавок, три кельи девичьего монастыря, две колокольни, четыре харчевни, шесть казенных соляных амбаров, два питейных дома, городской магистрат, сиротский и словесный суды с их делами, архивами и деньгами, которых было две тысячи с лишним рублей, и архив уездного суда. Десять человек задохнулись от дыма и трое обгорели до смерти. Потери, конечно, ужасные, но нельзя не заметить, что среди сгоревших домов есть почти

три десятка каменных. Двадцать лет назад, когда Порхов в очередной раз горел, каменные дома сгореть не могли – их просто не было.

Наконец, о малом народном училище, которое было открыто в конце сентября семьсот девяностого года. Было оно двухклассным, а первым учителем в нем был Иван Соколов, перед этим три года отработавший в точно таком же малом народном училище в соседнем городе Остров. Соколов окончил целых два учебных заведения – Псковскую духовную семинарию и четырехклассное главное народное училище и был знаком даже с основами педагогики, которые тогда назывались «способ учения». Попросил он перевода из Острова в Порхов не потому, что имел охоту к перемене мест, а потому, что жалованье ему городские власти задерживали, а когда не задерживали, давали меньше, чем обещали. Дрова и свечи, положенные учителю от казны, приходилось буквально выпрашивать, на содержание училища Городская Дума деньги давала, мягко говоря, неохотно. Власти наняли для двух классов одного учителя вместо двух, а в Порхове... было то же самое или почти то же самое, что и в Острове или в Опочке. Тем не менее Соколов в Порхове три года проработал, а через год после открытия училища ему была объявлена благодарность за хорошую работу.

Собственно, это почти все о Порхове и уезде в восемнадцатом веке, но если не сказать, что к концу века в городе были две каменных и одна деревянная церковь, двадцать четыре лавки, четыре кузницы с четырьмя кузнецами, два кожевенных завода, два монаха, пять портных, три кожевника-одинокы, один серебряник, четыре сапожника, пятьдесят три чиновника, восемьсот двенадцать купцов с купчихами, семьсот мешан с мешанками, восемнадцать священников, двадцать девять отставных военных, а вообще всех жителей одна тысяча семьсот тридцать два, да в уезде проживали сто девять дворян и двадцать шесть дворянок и почти столько же владели поместьями, но не проживали, а к ним четырнадцать иностранцев, чулочная фабрика и две парусинных, тридцать три с половиной тысячи помещичьих крестьян, тридцать три дворовых и две тысячи триста экономических, пятьдесят четыре однодворца, четыреста шестьдесят шесть сельских батюшек, три с лишним сотни ямщиков, два стеклянных завода, один монастырь, сто тридцать три водяных мельницы, сто тридцать девять кузниц, чуть больше сотни раскольников, две лавки, три цыганки и десять цыган, то рассказ, конечно, будет неполным.

В июне тысяча восемьсот третьего года Порхов проездом посетил академик Василий Севергин. О городе он сообщает в своих «Записках путешествия по западным провинциям Российского государства» следующее: «Порхов, изрядный город, славящийся съездами дворянства, которые здесь время от времени бывают, лежит на реке Шелони. В нем не много каменных строений, а большею частью они деревянные. По левую руку за рекою Шелонь находится разваливающаяся старинная, высокая и круглая стена с башнями, составленная из серого плитного известнаго камня, внутри коей находятся винные анбары и огороды. Жителей считается здесь около 1052 купцов и мешан, а всего мужского и женского пола 2481. Главный торг производится льном. Также выходит отсюда много овса в С. Петербург. Городных растений у охотников довольно. В прочем купечество бедное, и большая часть промышленяет засеиванием полей им принадлежащих, кои и доставляют изобильную жатву; ибо вообще примечается, что Порховский уезд составляет страну хлебородную, и хотя крупитчатой муки мало, но в замену того тем более пшеничной. Прочих съестных припасов в некоторые времена получить трудно, а особливо мяса в пост, и рыбы во всякое время, ибо в реке Шелони оной почти нет. Вообще же ржи четверть стоит здесь 8 рублей, круп гречневых четверть 11 рублей 60 коп; сена пуд 35 копеек; мяса черкасского лучшего фунт 8 копеек. Так же и ремесленников почти нет, исключая тех, кои принадлежат особенно живущим здесь помещикам.

Я прехожу молчанием о бывающих здесь в зимнее время клубах, на кои съезжается много дворянства, и о веселых собраниях хворых особ, или такими себя иногда воображающих, кои приезжают сюда лечится из разных и даже довольно отдаленных мест, ибо сие к предмету моему не принадлежит; а упомяну токмо, что от усердия многочисленных особ, сюда съезжающихся ожидать можно, что они не преминут способствовать к приведению здешняго народного училища в цветущее состояние. Ныне нашел я в оном 30 учеников, да и то детей бедных токмо родителей».

Что касается малого народного училища, то до цветущего состояния ему было еще очень далеко. В год открытия в нем училось двадцать пять мальчиков и ни одной девочки, а через тринадцать лет количество учеников выросло всего на семь, но прогресс был – в восемьсот третьем году вместе с тремя десятками мальчиков училась девочка. В момент расцвета училища, который случился в семьсот девяносто третьем году, в нем обучалось сорок три ученика. Правда, девочек среди них не было. Вообще, к восемьсот восьмому году, за восемнадцать лет его существования в порховском малом народном училище обучилось шестьсот тридцать два человека, и среди них двадцать шесть девочек, что составляет около четырех процентов. Такая вот арифметика...

В Отечественную войну двенадцатого года боевых действий в Порхове и уезде не велось. Порховский краевед Александр Петрович Анисимов в Псковских губернских ведомостях даже писал о том, что «В Отечественную войну 1812 года Порхов не представлял ничего замечательного по истории. Известно только, что край Псковский был защищаем от нашествия врагов генерал-лейтенантом, графом Петром Христиановичем Витгенштейном, командовавшим регулярными и земскими войсками Псковской губернии противу фельдмаршалов французских: Удинота, Магданальда, Гувиона, Сент-Сира и Виктора. Портрет графа Витгенштейна, писанный масляными красками, хорошей работы, и графский герб поныне сохраняются в Порховской Думе. До пожара, бывшего в 1858 году, хранился в думе и поясной гипсовый бюст его, но в этот пожар, опустошивший половину города, утрачен».

Это, конечно, обидно. Да, боев не было, но Порхов в стороне от Отечественной войны не остался. Еще в начале февраля двенадцатого года в городе был организован временный госпиталь на сто коек, но когда началась война, то счет больным и раненым из корпуса Витгенштейна, защищавшего от французов дорогу на Санкт-Петербург, пошел на многие сотни и тысячи. Не было в Порхове дома, в котором не помещались бы раненые. Псковский гражданский губернатор князь Шаховской сообщал Витгенштейну, что из порховского госпиталя ему в корпус отправлено девятьсот выздоровевших. К восемьсот тринадцатому году к своим больным и раненым прибавились французские. В Порхове их находилось около тысячи семисот. Всех этих людей нужно было не только лечить, но и кормить. За хлеб, взятый из сельских магазинов и превращенный в сухари, а взято его было по двенадцать с половиной пудов с души или пятьдесят восемь тысяч пудов всего, порховское дворянство не взяло ни копейки денег, ни даже квитанций. Хлебом дело не ограничилось. Порхов и уезд за два года войны поставили для действующей армии около тысячи подвод, столько же голов рогатого скота, две с лишним тысячи тулупов, семьдесят девять артиллерийских, двадцать кавалерийских и шестнадцать строевых лошадей, а еще тысячи пудов ржаной муки, разных круп и овса. Только тех, кто был отправлен в армию с этими запасами, было убито и пропало без вести девяносто семь человек, не говоря о лошадях, которых потеряли более четырехсот.

О порховичах, принимавших участие в войне на полях сражений, долго рассказывать не будем, упомянем только офицеров, про которых доподлинно известно, что они принимали участие в Бородинском сражении – унтер-офицера Степана Андреевича Андреева, происходившего из помещичьих крестьян порховского уезда, уроженца деревни Тягуше Порховского уезда генерал-майора Петра Гавриловича Лихачева, кавалера орденов Св. Георгия 4-го и 3-го классов, Св. Анны, Св. Владимира, Св. Иоанна Иерусалимского, порховского помещика генерал-майора Александра Александровича Баранова, кавалера орденов Св. Анны и Св. Владимира, прусского Pour le Mérite за услуги при занятии Парижа, уроженца села Костыжицы Порховского уезда генерал-майора Николая Михайловича Бороздина²⁸, награжденного за Бородино орденом Св. Георгия 3-го класса, участника заграничных походов русской армии в восемьсот тринадцатом и четырнадцатом годах, кавалера российских орденов Св. Александра Невского, Св. Анны, Св. Владимира, Св. Иоанна Иерусалимского, прусского Pour le Mérite, его родного брата генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина, награжденного, как и Николай Михайлович, за Бородино орденом Св. Георгия 3-го класса, кавалера орденов Св. Анны, Св. Владимира, участника сражений при Смоленске, Шевардине, Тарутине, Малоярославце и Красном. Оба генерала – дети генерал-поручика Михаил Саввича Бороздина и Анастасии Андреевны Бороздиной – той самой

генерал-поручицы Бороздиной, владелицы пильной мельницы, стекольного, винокуренного и кожевенного заводов. Портреты генералов Лихачева и Николая Михайловича Бороздина кисти Доу висят в первом ряду галереи героев Отечественной войны двенадцатого года.

К списку участников Бородинского сражения нужно добавить список воевавших с французами помещиков Порховского уезда – генерал-майора Николая Васильевича Васильчикова, майора Гаврилу Хрисанфовича Дорогого, который после отставки жил до самой смерти в Порхове, генерал-майора Николая Степановича Карамышева, майора Алексея Ивановича Кострова, гвардии капитана и кавалера Григория Ивановича Крекшина, подполковника Константина Ивановича Крекшина, генерал-лейтенанта Сергея Михайловича Лихардова, генерал-майора Евграфа Дмитриевича Мышецкого, генерал-майора Тутолмина, вступивших в дворянское ополчение Порховского уезда Петра Васильевича Бороздина, Павла Петровича Зиновьева и Александра Ивановича Забелина. Как хотите, но язык не поворачивается сказать, что Порхов в Отечественную войну «не представлял ничего замечательного по истории».

Что же до портрета и гипсового бюста Витгенштейна, то порховское дворянство, желавшее поднести их графу, выглядело довольно скромно на губернском фоне. Новоржевское дворянство хотело поднести Витгенштейну золотую медаль с его портретом и подобающей такому случаю надписью, дворяне Великих Лук собирались соорудить ему памятник. По общему мнению уездных предводителей дворянства памятник Петру Христиановичу следовало поставить в Пскове на площади перед Троицким собором, а в зале губернского дворянского собрания бюст губернатора князя Шаховского. Витгенштейн, узнав об этих инициативах от Шаховского, отказался от всех этих почестей. Памятник герою сражения под Клястицами, преградившего путь маршалу Удино на Санкт-Петербург, и командующему Псковским ополчением все же поставили, но через двести лет, и не во Пскове, а в Печорах. Что тут скажешь... Лучше поздно, чем никогда.

Война окончилась и началась мирная жизнь. Впрочем, в порховском уезде послевоенные лет пятнадцать мирными можно было назвать лишь с большой натяжкой и причиной тому были постоянные крестьянские волнения. Самые масштабные беспорядки случились в имении помещика Кашталинского, крестьяне которого подали жалобу Александру Первому. В этой жалобе их поверенный писал, что «...С половины нынешнего 1817 г., то есть с июня месяца достался во владение племяннику его родному Федору Степановичу Кашталинскому, по приказанию которого управляющий вотчиною его бурмистр дер. Соснович Ягнен Иванов делает со всей вотчины господина моего отяготительные и весьма несносные поборы. А именно, из числа доставшихся ему, г. Кашталинскому от покойного дяди его во владения 5500 душ, сверх вземленного положенного ежегодного оброку 10000 руб., собрал за нынешний 1817 г., 6000 руб., а сверх сего чрез одни чинимые им совершенно несносные побои и мучения в течение сего 1817 г. августа месяца, якобы по несостоянию его на вспомоществование 22000 руб. со всех прописных именующихся у него во владении душ; да еще сверх такового всякого следуемого взыскания, со всей состоящей под владением его вотчины крестьян собрал в нынешнем году хлеба, как то ржаную мукою и овсом 500 четвертей, да вместо производимого при покойном дяде его платежа 10 руб. собирает ныне за каждую крестьянскую девушку по 30 руб... Через таковые несносные и отяготительные, сверх всякого положенного взыскания поборы пришли мы вконец до крайнего разорения и совершенной бедности, и не довольно не в состоянии оплачивать должные поборы, но и не в силах пропитывать свои семейства». Пять лет пять с половиной тысяч крестьян жаловались и отказывались работать на помещика. Пять лет во владения Кашталинского приезжали разбираться уездные и губернские власти, приезжал псковский губернатор и, как *ultima ratio*, прибывали воинские части.

Только в восемьсот двадцать шестом году в Порховском уезде было тринадцать случаев неповиновения крепостных крестьян своим владельцам. Да и как им было повиноваться, если, к примеру, у помещика Сергиевского они должны были пять дней в неделю работать на барщине или платить сто рублей оброку – сумму по тем временам огромную. Самыми масштабными в тот год были волнения крестьян в имениях помещиков Ноинского и Цеэ. Катализатором послужили слухи об ожидаемом освобождении от крепостной зависимости. Под влиянием этих

слухов крестьяне... нет, не взяли вилы и не подняли на них своих помещиков, а написали жалобу Николаю Первому и эту жалобу отправили с ходоками в столицу.

«Всеавгустейший монарх, всемилостивейший государь! Изливаемые вашего императорского величества милости и отеческое попечение верноподанным своим, а паче угнетенным и обиженным подали дух смелости пасть пред стопами в.и.в. со всеподданнейшею нашею просьбою. Жительство мы имеем Псковской губ. Порховского у. Дежовского погоста выставки Городовинка в сельце Крутцы, господина 5-го класса Адама Ивановича Ноинского крепостные крестьяне, которому мы платили с ревизской души по 30 руб. в год исправно; напоследок он наложил на нас по 11 руб. 50 коп., а всего 41 руб. 50 коп., притом исправляем, сверх положенного оброка, земскую и плитную ломку, которую возим на своих лошадях в сельцо Крутцы; из состоящих при оной вотчине рошей доставляем в то ж село для господского строения леса; посеянный нами лен берет без всякой цены якобы за оброк, каковой нами платится исправно, а что стоит оный, цены нам не объявляет; а некоторых отобрал в треплю льна и никакого платежа за оное не производит, а кто из таковых не явится по случаю болезни или других случившихся домашних обстоятельств, штрафуют по 2 руб. в сутки. Плотники и каменщики находятся в работе в свое время, сверх положенного на них оброка; прочих также штрафует по 25 руб. в сутки, а у коих нет, наказывает жестоко; ежели есть с состоянием, с таковых берет по 100 и налагает сверх оных по 200 руб.; в том числе взял с не имеющего состояния 55 руб., а наложил 75 руб., а смотря по состоянию 260 руб., а наложил 640 руб. штраф. А у некоторых взял с двора последнюю корову, да последний разорил, из того числа лишились своих домов и находятся в бегах. За всем тем – управляющий господина нашего Михаила Федоров сын Гофмейстер нередко наказывает без причины, равно бурмистр Филипп Павлов, что описываем по сущей справедливости и долгу присяги. Всемилостивейший государь, возри отеческим милосердным оком на сие наше прошение и соблаговоли ниспослать высочайшую в.и.в. милость и защиту как нам, угнетенным и разоренным, так и семейству нашему, каковую, всемилостивейшей монарх, совершенно осчастливишь нас, всего 1700 душ крестьян. В.и.в. всемилостивейшего государя верноподанные крестьяне г. Ноинского Яков Леонов сын Костыгов и Лука Иванов сын Капитонов»²⁹.

До города Санкт-Петербурга ходоки добрались, а до императора, понятное дело, не получилось. Императорское «отеческое попечение верноподанным своим, а паче угнетенным и обиженным» заключилось в том, что из столицы их отправили за казенный счет домой, да еще и под стражей, а жалобы переслали псковскому губернатору. Самое удивительное, что вернувшиеся ходоки распространили среди крестьян слухи о том, что «всех тех крестьян, кои объявят неудовольствие на своих помещиков, государь император отпустит на волю». Теперь уже крестьяне перешли от слов к делу и двинулись к конторе управляющего имением, намереваясь ее разгромить, а самого управляющего... как минимум прогнать. Немедля прискакал в имение заседатель земского суда штабс-капитан Култашев с воинской командой и потребовал выдать зачинщиков, но требовать у крестьян, у которых в руках колья и дубины... Заседатель решил судьбу не испытывать, быстро ретировался вместе с командой и написал губернатору донесение с просьбой прислать в имение Ноинского два батальона солдат. Оно и понятно – в имении проживало более трех тысяч крепостных. Волнения быстро перекинулись на соседнее имение помещика Цез, а затем на имения графини Завадовской и помещиков Бильбоа и Корсакова. У части крестьян в руках появились пики и ружья. Култашев получил под свою команду батальон солдат и принялся наводить порядок. Тут известия об этих событиях достигли императора без помощи крестьянских ходоков. Николай Первый направил в Порховский уезд своего уполномоченного – полковника Германа, и уже он, а не председатель земского суда, и не срочно приехавший псковский губернатор командовал солдатами. Все кончилось тем, что часть крестьян высекли, часть арестовали и отправили в Порховскую тюрьму. Часть самых активных участников волнений успела скрыться. Волнения закончились в марте, а солдат из имения Ноинского отозвали лишь в середине мая.

Весной того же года заволновались крестьяне графа Апраксина – не того Матвея Апраксина, крестьяне которого бунтовали еще при Екатерине Второй, а другого, Николая, но... такого же.

Этот Апраксин довел своих крестьян буквально до нищеты непосильными суммами оброка и барщиной, которую он сделал дополнительным обременением к оброку. Все началось как обычно начиналось в таких случаях – крестьяне написали жалобу и отправили с ней двух ходоков в столицу. Оттуда их жалобу переслали для разбирательства предводителю порховского уездного дворянства князю Васильчикову, который совершенно случайно оказался приятелем графа Апраксина. Предводитель недолго думая отписал вышестоящему начальству, что жалоба не имеет под собой никаких оснований. За ложную жалобу на помещика ходоков по представлению генерал-губернатора Паулуччи предали суду, но суд дело замаял и постановил крестьян простить, поскольку настоящее расследование могло завести совсем не туда, куда хотел бы граф Апраксин. Выпущенные из тюрьмы ходоки, явившись домой, стали убеждать крестьян не подчиняться помещику... Кончилось все тем же, чем обычно кончалось в таких случаях – призывы войска, крестьян привели к покорности, комиссия военного суда присудила одного человека к смертной казни, другого к наказанию шпицрутенами, а остальных велено было бить палками.

В июне вспыхнуло волнение в одной из деревень, принадлежавших порховскому помещику генерал-майору Баранову. Тому самому, который храбро воевал в Отечественную войну с французами. Кавалер орденов Св. Анны, Св. Владимира и прусского Pour le Mérite батогами забил крестьянина Григория Иванова до смерти, а перед этим сам вместе с дворовыми сек его розгами в течение четырех часов. Крепкий был генерал – еще двух крестьян собственноручно избил так, что они оказались при смерти. И так он допек своих крестьян, что жалоб они не писали, а сразу решили его убить. Обошлось. По результатам разбирательств имение Баранова было отдано в опеку, а сам он за смерть крестьянина был предан церковному покаянию.

У помещицы Лавровой не обошлось. В восемьсот двадцать четвертом году убил ее один из дворовых. Генерал-губернатор Паулуччи в записке о положении помещичьих крестьян в Псковской губернии сообщал: «...порховская помещица, генерал-провиантмейстерша Лаврова до того мучила и била из своих рук крестьян, пока один дворовый человек убил ее. Сей дворовый человек наказан по закону».

В июле восемьсот двадцать шестого года в уезде заволновались крестьяне в имении полковника Татищева. Крестьяне отказались отбывать трехдневную барщину. Уездного исправника и полицейских, приехавших в имение наводить порядок, крестьяне встретили кольями. Исправник благоразумно решил уехать и затребовал роту солдат. К военному суду привлекли шестьдесят одного крестьянина. Суд постановил: «Тридцати четырем человекам крестьян за неповиновение и произведенный бунт отсечь головы; семь человек, как главных рассевателей ложного слуха и нарушителей общего спокойствия, повесить; десятерых, бывших в бунте без кольев, прогнать шпицрутеном через тысячу человек каждого по три раза, а десятерых, не участвовавших в бунте, от наказания освободить». Такой приговор напугал и самих помещиков, и местные власти, справедливо полагавшие, что его следствием будут новые крестьянские волнения. Генерал-губернатор Паулуччи обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством о пересмотре дела. Дело пересмотрели – нескольких вожаков восстания забили в солдаты, а остальных сослали в Сибирь.

Из уезда вернемся в город. К концу первой четверти девятнадцатого века в Порхове проживало три с лишним тысячи человек. Женщин на триста тридцать восемь меньше, чем мужчин. Из тысячи восемьсот семи мужчин восемьдесят три купца. Все остальные мужчины были мещанами. На это количество жителей приходилось семь церквей, пять фабрик, сорок семь лавок, одна аптека, уездное и приходское училища, одна богадельня, двадцать два сада, два трактира и восемь питейных домов. Почти стандартный набор для не очень большого российского уездного города начала царствования Николая Первого.

В восемьсот четырнадцатом году в городе открыли трехклассное уездное училище, рассчитанное на пятьдесят учащихся. Открытие училища происходило третьего января при собрании дворянства и граждан. По окончании предписанного властями обряда открытия, как сказано в исторической записке, составленной штатным смотрителем Порховского уездного училища к его столетию, «...посетители угощаемы были у штатного смотрителя обедом, а у

почетного смотрителя ужинным столом. При открытии училища пожертвовали: коллежский асессор Ладыженский сто рублей, почетный смотритель Бухаров на заведение библиотеки сто рублей, сверх того портрет Государя Императора с вызолоченною рамою, ценою в сто рублей, книг классических на пятьдесят рублей и шкаф простого дерева в десять рублей. Титулярный советник Нартов – пятьдесят рублей, майор Лавров, ротмистр Зарин, титулярные советники: штатный смотритель училища Пономарев и Мягков – по двадцать пять рублей, доктор Соломон, почтмейстер Немов, титулярный советник Дирин и прапорщик Тяполков – по десять рублей, майор Мартянов и штабс-капитан Култашев – по пять рублей». Тот самый Култашев, умиривший крестьян в имениях помещиков Ноинского и Цеэ с помощью батальона солдат. Прапорщик Тяполков дал в два раза больше. Все же не будем показывать пальцем на военных. Порховское купечество в этом списке и вовсе отсутствует.

Что же касается общего состояния Порхова, то лучше всего обратиться к отчету чиновника по особым поручениям барона Мантейфеля, который по заданию генерал-губернатора Паулуччи ревизовал Псковскую губернию в восьмьсот двадцать восьмом году: «Город Порхов есть лучший благоустроенный город во всей Псковской губернии. Улицы вымощены, выведены в прямую линию и строения разбиты по кварталам. Много каменных зданий красивой наружности. ...Больница находится в таком устройстве, что и лучшего ожидать нельзя. Высокие светлые комнаты, окрашенные полы, кровати, столы, посуда. Аптека и вообще медицинское устройство, все в отличном устройстве. На 20 человек больных имеется четыре перемены самого тонкого белья. Халатов и туфель на 40 человек. Пища для больных весьма хорошая. Комнаты для больных офицерского звания украшены с роскошью. В градскую больницу принимаются также заболевшие бедные граждане, с платою за них от города, как и за военнотружущих, по 50 копеек в день. Лечебные пособия при усердии и деятельности уездного штабс-Лекаря Заклинского подаются со всевозможным старанием. Доведением сей больницы до таковой степени совершенства городничий, по собственному отзыву своему, обязан деятельности бывшего Порховского главы Пахомова, который вообще, с пожертвованием своего имущества, содействовал много к украшению города».

Каменных домов в Порхове к тому времени имелось не больше десятка. Остальные четыре сотни с лишним домов были деревянными. «Четыре перемены самого тонкого белья» в уездной больнице... (На полях отчета Мантейфеля зададимся вопросом – сколько в Порхове первой четверти девятнадцатого века проживало здоровых, а не больных людей, имеющих по четыре перемены самого тонкого белья?) Кажется, что барона сразу по приезде повезли не осматривать казенные учреждения, а закусить чем бог послал и выпить какой-нибудь губернской мадеры, про которую гоголевский городничий говорил, что она может и неказиста на вид, но и слона повалит с ног.

Самое интересное, что через четыре года после инспекции Мантейфеля в городской больнице побывал с инспекцией барон Виллие. В документе, сохранившемся после его визита в псковской губернской канцелярии, написано: «4 января Порховская городская больница была осмотрена главным по армии медицинским инспектором бароном Вилье, который отметил, что "по управлению госпиталь сей вовсе не имеет хорошего устройства, а за недостатком прислуги в госпитале нет ни порядка, ни надлежащей чистоты и опрятности..."». Куда, спрашивается, делись четыре комплекта самого тонкого белья на каждого больного? Ведь находилась же больница «в устройстве, лучше которого и ожидать нельзя»...

В уезде за год перед приездом Мантейфеля проживало без малого пятьдесят тысяч человек. Из них четыреста двадцать дворян, купцов и мещан две тысячи шестьсот тридцать и почти двести пятьдесят священников. Занимался уезд в основном тем, что производил лен и зерно. По этой части он был первым в губернии. Под зерном мы, конечно, подразумеваем рожь, а не пшеницу, которая в этих краях, как ее не уговаривай, растет плохо. Сеяли, кроме ржи и льна овес, ячмень и горох. Уездная и частично городская промышленность была занята переработкой всего того, что выращивалось. Сам Порхов не играл большой роли в переработке и торговле льном, поскольку был неудобно расположен. Мало того, что Варшавское шоссе прошло в шестидесяти

верстах от Порхова, так еще и Шелонь возле города не судоходна. Основная торговля шла через посад Сольцы, находившийся в Порховском уезде. Только ниже этого посада река становится судоходной. Оттуда по воде шли многочисленные барки со льном в Петербург. В сороковых и пятидесятых годах в Сольцах работало четырнадцать заводов по переработке льна. В одном только восемьсот сорок четвертом году из посада отправили в столицу пятьдесят шесть барок, на которых было погружено почти триста тысяч пудов льна и семьдесят шесть с половиной тысяч пудов пакли на сумму в восемьсот семьдесят тысяч рублей серебром.

Рассказ о промышленности любого уездного российского города девятнадцатого века, равно как и его уезда, не обойдется без винокурения. Порхов и его уезд не исключения. К середине века в городе и уезде выкуривалось от тридцати пяти до пятидесяти тысяч ведер полугара, то есть водки. Все это количество производилось на помещичьих заводах для внутреннего потребления, а вот продукция одной небольшой помещичьей табачной фабрики, расположенной в уезде, продавалась и в Порхове, и в Пскове и в соседних городах. Производили на этой фабрике нюхательный и курительный табаки и сигары в количестве от полутора до двухсот пудов в год на сумму около двух тысяч рублей в год. В самом этом факте нет ничего особенного. Особенное заключалось в том, что табак разных сортов выращивали здесь же из американских семян. Сахарную патоку для кальянных сортов табака и разного рода отдушки для нюхательного привозили из Петербурга. Из пяти, работающих на фабрике человек, только один был наемным. Остальные четверо – крепостные крестьяне. Нет, вы только представьте себе нынешних порховских, или островецких, или опочечких, или даже псковских помещиков, курящих местные сигары... Ну, хорошо, пусть не помещиков, пусть купцов...

Почти в то же самое время, как из посада Сольцы отправили в Петербург льна и пеньки на астрономическую сумму в восемьсот семьдесят тысяч, в Порхове открылись одновременно банк и богадельня. Основал их в августе восемьсот сорок третьего года уроженец Порхова, известный на всю Россию табачный фабрикант, купец первой гильдии, миллионер и благотворитель, Василий Григорьевич Жуков. Тот самый Жуков, о котором писал Пушкин: «Заняться службою гражданской или военной, с хваленым Жуковым табачный торг завести...». Жуков не просто открыл банк – он пожертвовал десять тысяч рублей серебром для учета векселей и выдачи ссуд. Это было сделано для того, чтобы порховские купцы и мещане, а также купцы и мещане посада Сольцы, поскольку посад принадлежал Порхову, могли брать кредиты на срок от одного месяца до года. В залог банком принималось имущество, принадлежавшее исключительно порховским гражданам и жителям посада Сольцы. Закладывать можно было каменные дома, заводы, фабрики и приносящие доход собственные земли. Все закладываемое имущество должно было располагаться там же – в Порхове и в Сольцах. Вот такой был уездный протекционизм. Управляла банком Порховская городская дума. От прибыли банка содержалась жуковская богадельня, в которой проживало сорок мужчин и женщин из числа престарелых и неимущих порховичей³⁰. К богадельне спустя недолгое время пристроили каменный флигель, что позволило Василию Григорьевичу устроить там детский приют. Жуков намеревался завести в Порхове бумагоделательную, масляную и полотняную фабрики, причем все эти три фабрики должны были работать на одном и том же сырье: бумагоделательная будет перерабатывать льняные охлопья, масляная – семена, а полотняная чистый лен. Это как раз то, что теперь называется глубокой переработкой растительного сырья. Тогда этих слов не знали, а просто брали и перерабатывали. В сентябре восемьсот сорок четвертого года в двух с половиной верстах от Порхова заложили ткацкую и бумажную фабрики, а свечной и мыловаренный заводы открыли через два года. Жуковское мыло продавалось по всей России, и узнавали его по фирменному знаку в виде жука на обертке. Немаловажная деталь – себе Василий Григорьевич оставлял только пятую часть паев этих фабрик. Остальные четыре части могли выкупать порховские промышленники³¹.

Теперь о менее приятном. В восемьсот тридцать первом и восемьсот сорок восьмом в Порхов приходила холера. Псковские губернские ведомости спустя четверть века писали об этих событиях: «По ходатайству граждан, в воспоминание этого посещения Божия, Государем Императором в 1831 году разрешено ежегодно, 21 июня, обходить город крестным ходом; а

в году бедствий, 1848 года, с разрешения архиепископа Нафанаила, была принесена из Никандровой пустыни икона преподобного Никандра³² и с нею совершен вокруг города крестный ход. Но чтобы более увековечить между жителями Порхова это моровое поветрие и избавление от него молитвами угодника Никандра, они исходатайствовали от Святейшего Синода, с разрешения Государя Императора, ежегодно, 15 числа мая месяца, приносить в Порхов из Никандровой пустыни икону преподобного с крестным ходом и совершать такое же хождение вокруг города с местными иконами. К этому же времени стекается множество народу в Никандрову пустынь, а оттуда 15 мая – в Порхов. Икона преподобного остается в городе на семь дней. Крестный ход этот установлен в 1855 году. На все время пребывания в городе иконы на содержание монашествующих отпускается из городских сумм 100 рублей».

Вообще религиозная жизнь в Порхове того времени была ключом – одних только крестных ходов в городе и его окрестностях проходило в год не меньше десятка: в январе, в день Богоявления, ходили на реку для водоосвящения; в апреле на площадь перед собором для молебна в память избавления Государя Императора Александра Николаевича от угрожающей ему опасности; после Пасхи в день Преполовления Пятидесятницы на реку для водоосвящения и потом вокруг крепостной стены с пением литии по убиенным воинам; пятнадцатого мая, как уже говорилось, крестным ходом встречали икону преподобного Никандра; на следующий день обходили вокруг города с местными и принесенными из Никандровой пустыни иконами; в конце мая шли крестным ходом в Никандрову пустынь, сопровождая икону преподобного Никандра; в середине июня в день Тихона Амафунтского в Тихоновскую часовню, а оттуда в часовню Св. мученицы Параскевы; двадцать первого июня вокруг города в память о холере восемьсот тридцать первого года; через три дня в церковь Иоанна Предтечи, а оттуда в Иоанновскую часовню; первого августа в день Изнесения Честных Древ Животворящего Креста Господня, на реку для водоосвящения. И это не считая крестных ходов микрорайонного значения в Троицкую часовню, в часовню Духа Святого и в часовню Св. Георгия Победоносца.

Раз уж зашла речь о религиозной жизни порховичей, то скажем и об открытии в восемьсот тридцать пятом году четырехклассного духовного училища, в котором обучалось до ста детей священнослужителей. Программа обучения в этом училище фактически приближалась к программе первых четырех классов гимназий, и потому кроме обычных арифметики, грамматики русского языка, географии и священного писания детям преподавали латынь, греческий и грамматику славянского языка.

О светской жизни городского населения в первой половине девятнадцатого века сведений до нас куда меньше, и потому тут всякое лыко в строку. В двадцать восьмом году через Порхов из Нежина в Петербург после окончания гимназии проезжал девятнадцатилетний Николай Гоголь. Конечно, он мог бы задержаться, написать в Порхове «Сорочинскую ярмарку», «Майскую ночь» или, на худой конец, «Ганса Кюхельгартена» и уж потом, со всем этим ехать покорять столицу, но... Часто проезжал по дороге на малую родину в село Новоспасское на Смоленщине и обратно в Петербург Михаил Иванович Глинка. В августе сорокового года в одном из писем Анне Петровне Керн он писал: «Лошади тащили шагом по раскаленному песку, и на каждой станции меня держали по три и по четыре часа, так что едва уже к вечеру я добрался до Порхова, сделав менее 60 верст в день. От Порхова же за то решил ехать и ночь...». Точно так же не стал ночевать в Порхове главный герой запрещенного в России Николаем Первым романа Александра Дюма «Учитель фехтования»: «В начале следующего дня я был в небольшой деревеньке, Бежанице, а в четвертом часу дня – в Порхове, старом городе, расположенном на реке Шелони... Меня искушало желание переночевать здесь, но комната для приезжих оказалась так грязна, что я предпочел продолжать путь». Неоднократно проезжал через Порхов Тарас Шевченко, и не просто проезжал, а упомянул в своей повести «Музыкант» и обветшавшую крепость, и Шелонь, и даже мыловаренный завод Жукова.

В восемьсот сорок первом году Николай Первый по всеподданнейшему докладу председателя попечительного о тюрьмах общества разрешил открыть уездный тюремный комитет в Порхове и утвердил избранных лиц в звании членов этого комитета. Конечно, это не открытие бутылки

Veuve Clicquot или мыловаренного завода и даже не открытие богадельни, но тоже событие, пусть и уездного масштаба.

Отдельной главы в истории Порхова первой половины девятнадцатого века заслуживает описание мытарств уездного училища. После его образования оно помещалось в деревянном доме, пожертвованном порховским дворянством. Пожертвованный дом оказался настолько ветхим, что пришлось училищу снимать частную квартиру в доме купца Тарасова за десять рублей в месяц. Старый дом продали за пять тысяч и решили купить новый. То есть не новый, а такой, в котором можно будет заниматься, не опасаясь за здоровье учеников и учителей. Приискать подходящий дом оказалось очень сложно. Все лучшие и подходящие дома в городе были заняты постома военных. Нужен был дом, состоящий как минимум из четырех, а лучше пяти комнат. Аренда такого дома могла стоить от трехсот до пятисот рублей в год. Мало того, что таких денег у училища не было, так еще и никто из состоятельных порховичей не хотел сдавать принадлежащий ему дом под училище. Нашелся купец Калашников, заявивший – если училищное начальство выхлопочет освобождение его дома от воинского постоя, то он отдаст его за сто восемьдесят рублей, хотя раньше он просил триста пятьдесят. Училищное начальство в лице энергичного смотрителя Пономарева достучалось до Псковского губернатора, но тот помочь не захотел. Тогда Пономарев предложил Порховской городской думе освободить дом Калашникова от постоя ввиду отдачи его под училище, но... и тут получил решительный отказ. К тому времени уездное училище уже тринадцать лет ютилось в двух съемных комнатах потому, что город на наем помещения отпускал всего сто двадцать рублей в год и на эти деньги можно было снять только две комнаты, причем одну комнату занимало приходское училище, а вторую уездное. Оба класса уездного училища помещались в одной комнате. То есть сто рублей из городских сумм на содержание монахов из Никандровой пустыни в течение недели во время крестного хода было не жалко, а добавить училищу денег, чтобы не ютилось в двух комнатах... В уездном в то время числилось два десятка учеников. Наконец, в восемьсот двадцать седьмом году для училища сняли дом купца Расчухаева³³, который согласился сдать дом на десять рублей дешевле, чем купец Калашников. В этом доме было пять комнат, и уездному училищу отдали две. Количество учеников сразу увеличилось вдвое и все равно было очень и очень небольшим для такого города как Порхов. Министерство народного просвещения стало спрашивать у руководства училища почему – и оказалось, что не теснота тому виной, а нежелание родителей отдавать детей учиться. Кроме того, выяснилось, что программу обучения фактически формировало не министерство народного просвещения, не учителя, а... родители. Например, на уроки закона Божьего папы и мамы, у которых редкий месяц обходился без крестного хода, а то и двух, детей часто не пускали. Начальству отвечали просто – им не в церковники идти. Хватит и катехизиса. Точно по такой же причине пропускали уроки физики и геометрии. Учили, потому что пригодится, русский язык, чистописание, арифметику, отечественную историю и географию, но, как показал опрос, с удовольствием ходили только на рисование. Поэтому смотритель Порховского уездного училища, уставший воевать с родителями, просил, чтобы из программы обучения убрали геометрию и всеобщую историю, а курс Закона Божьего существенно сократили³⁴. Все же после смены двух смотрителей и директора дела наладились, и в восемьсот сорок седьмом году по результатам ревизии училищем остались довольны по всем предметам, кроме математики. Пошли год за годом благодарности учителям, а в пятьдесят пятом году и всему штату училища. И все бы хорошо, но в восемьсот пятьдесят восьмом году училище сгорело.

Перед тем как рассказать о пожаре, в нескольких словах расскажем об участии Порхова и уезда в Крымской войне. Вот об этом участии уж точно можно сказать словами краеведа Анисимова об участии Порхова в войне с французами: «Порхов не представлял ничего замечательного по истории». Осенью восемьсот пятьдесят четвертого года через город прошли по направлению в Крым три полка лейб-гвардейцев – конных гренадеров, улан, гусаров и две лейб-гвардейские батареи. Встречал их в городе хлебом с солью городской голова. Нижним чинам от городского общества было выделено на каждого по фунту говядины, по калачу и по чарке водки. Генералам и офицерам конных гренадеров и артиллерийских батарей уездное дворянство дало обед, а

офицеров уланского и гусарского полков пригласили на балы. Кроме этого севастопольцам и их семьям, потерявшим имущество, порховичи собрали сто сорок один рубль и пятьдесят семь копеек серебром. Это все об участии Порхова в Крымской кампании.

Теперь о пожаре. В середине августа восемьсот пятьдесят восьмого года от топки деревянной бани при доме училища начался пожар, во время которого при сильном ветре сгорели дом училища, Троицкая и Благовещенская церкви, два каменных гостиных ряда с полусотней лавок, деревянный мясной ряд, сорок семь обывательских домов, дом городских присутственных мест, богадельня Жукова, духовное правление и еще двадцать две деревянных лавки. Убыток оценили в триста тысяч рублей серебром. Через месяц, в конце сентября, сгорело еще восемьдесят домов по Петербургской улице от центра города до самой заставы, с прилежавшими к ней переулками. В начале октября снова пожар...

После третьего пожара в Порхов приехал псковский губернатор Муравьев и по результатам осмотра города написал министру внутренних дел: «Без особого пособия от правительства город не может восстановиться в продолжение нескольких десятков лет, ибо пожарами истреблены до основания самая лучшая часть города и почти все без исключения имевшееся у жителей движимое имущество и товары торговцев».

В память об этих пожарах жители города заказали икону и поместили ее в городском Троицком соборе с надписью «сеи образ Нерукотворного Спаса устроен усердием граждан города Порхова в память двукратного посещения Божия и двух соборов в 1858 г. 16 августа и 19 сентября, начался пожар в 2 часа по полудни». Последнее, однако, относится скорее к религиозной, нежели к светской жизни.

И еще о светской жизни. В восемьсот сорок седьмом году городское собрание, состоявшее большей частью из мещан, собиралось по поводу исключения из общества мещанина за кражу, а через два года Порховская городская дума требовала провести совещание по вопросу исключения нескольких мещанских детей из городского общества за то, что они избili мещанку Секумену Дестеву. Кстати, об избияниях. В восемьсот шестьдесят втором году, через год после отмены крепостного права, в разгар выяснения отношений между помещиками и крестьянами, освобожденными без земли, в Порхове жестоко избili мирового посредника Володимерова, призванного эти поземельные отношения улаживать миром. Избили не крестьяне, а дворяне. Скандал получился таким громким, что статью о нем под названием «Несчастье в Порхове» написал для столичного журнала «Современник» не кто-нибудь, а сам Салтыков-Щедрин. Двенадцать человек полтора часа избивали одного из-за того... впрочем, тут лучше процитировать очерк: «К чести мировых посредников Псковской губернии, или по крайней мере северной половины этой губернии, надо сказать, что они до такой степени умели с самого начала отрешиться от сословного духа, от эгоизма того сословия, к которому они принадлежат по происхождению, что на первых же порах им удалось овладеть совершенным доверием крестьян. Как люди независимые по своему положению, мировые посредники предпочли оставаться независимыми и по духу, по направлению, стать выше сословных интересов... и приводить в исполнение Положение 19 февраля в том самом духе, который создал его. Оттого-то и не могут простить псковским мировым посредникам некоторые из дворян... Люди ретроградной партии есть везде, но в Псковской губернии едва ли не всего более представителей эта партия имеет в Порховском уезде... Над г. Володимеровым люди ретроградной партии в Порхове, люди старых порядков, старались выместить похороненное крепостное право, о котором они втайне до сих пор сожалеют...». Такая вот светская хроника уездного разлива... Статью, кстати, опубликовать не удалось. По цензурным соображениям.

Освобождение крестьян в Порховском уезде сопровождалось беспорядками сразу в двадцати шести помещичьих имениях. Пришлось вводить в эти имения воинские команды. Еще перед самым манифестом порховский исправник сообщал псковским властям: «В Порховском уезде дух своеволия крестьян и неповиновение их владельцам усиливается до такой степени, что недостаточно одних убеждений полиции без строгих мер». Строгие меры не заставили себя долго ждать. Зачинщики беспорядков были наказаны. Псковский губернатор объехал все места

волнений и дополнительно разъяснил крестьянам их обязанности. Крестьяне Порховского уезда должны были уплатить помещику за надел в пять десятин земли полторы сотни рублей, и это при том, что рыночная цена десятины не поднималась выше десяти рублей. Вот и выходило, что две третьих суммы за землю составляла фактическая цена за освобождение. Рядом, кстати, была Прибалтика, в которой крестьян освободили еще при Александре Первом пусть и без земли, но без какого-либо за себя выкупа. Мало того, еще и средний размер крестьянского надела после реформы сократился на пятую часть. Удивительно не то, что беспорядки имели место, а то, что их было так мало.

Реформой оказались недовольны все – и крестьяне и помещики. Хотя, конечно, у помещиков измельчал жемчуг, а у крестьян щи... как были – так и остались пустыми. Для того, чтобы помочь помещичьим имениям, попавшим в сложное экономическое положение, уездное земство в восемьсот семьдесят первом году открыло в Порхове банк. Крестьянам, с ног до головы опутанным долгами, в которые им приходилось влезать, чтобы оплатить свое освобождение и заплатить выкупные деньги за землю, земство учредило Общество взаимного кредита и Ссудно-сберегательное товарищество.

Земство, одной из целей которого, по словам министра внутренних дел Ланского, было «вознаграждение дворян за потерю помещичьей власти», стало активно участвовать в жизни Порхова и уезда. К началу семидесятых годов девятнадцатого века в уезде действовало более ста школ, в которых обучалось две с половиной тысячи учеников. Не бог весть как много, учитывая то, что в уезде к тому времени проживало более ста двадцати тысяч человек, но больше, чем в любом другом уезде Псковской губернии.

Малое количество учеников на такое количество жителей уезда – это еще полбеды, а вот четыре врача, шесть фельдшеров, один помощник фельдшера и один акушер на весь уезд и город Порхов – это беда целая. Больниц было всего три – кроме Порхова работали еще две в уезде – в деревнях Береза и Буриги. Правда, они были маленькие, даже крошечные. Больница в деревне Береза была всего на пять коек³⁵.

В семьдесят четвертом году, согласно памятной книжке Псковской губернии, в штате городской земской больницы состояли: городской врач коллежский советник Александр Карлович Шульц, смотритель Семен Николаевич Ковалевский, фельдшер коллежский регистратор Андрей Иванович Дегтев и лекарский ученик Александр Петров Ведерников. Через десять лет в городской земской больнице уже два фельдшера, а на посту главного и единственного врача Александра Карловича Шульца сменяет Гуго Андреевич Фрей. К девятидесятому третьему году количество уездных врачей... нет, не увеличилось – как было их четверо – так и осталось. Городовой врач при этом исполнял обязанности земского врача. Правда, фельдшеров стало семнадцать, к ним прибавились семь акушеров и четыре фельдшерицы-акушерки. При том, что население уезда к концу века уже перевалило за сто шестьдесят тысяч человек. Пока они доберутся на лошади до роженицы... крестьянский ребенок, глядишь, уже и гусей пасет. Появилась в Порхове частная аптека Владимира Денисовича Линде. В уезде больницы и аптеки порой заводили помещики на свои средства. Одна из лучших уездных больниц, оснащенная самым современным по тем временам оборудованием, была построена в усадьбе Вольшово ее владельцем – графом Строгановым. Граф денег не пожалел, и рядом с больницей был устроен плодовый сад, парк с оранжереями и пруды.

Раз уж зашла речь о медицине, то расскажем и об открытии в Порховском уезде бальнеологического курорта в селе Хилово, в десяти верстах от Порхова. Как водится, не обошлось без легенды о некоем старике Якове, поливавшем водой из местной речки Черной свои больные ноги. Ноги перестали болеть и тогда Яков на всякий случай эту воду стал еще и пить. Пил он ее невзирая на отвратительный вкус и сероводородный запах. От приема воды внутрь Яков еще и помолодел. Другая легенда говорит о том, что стариком Яковым был повар помещика Петра Петровича Балавинского, владевшего селом Хилово и его окрестностями. На самом деле Балавинскому запах воды речки Черной, как он сам потом признавался, напомнил запах минеральной воды на курорте в Кеммери, в Прибалтике. Петр Петрович недолго думая

велел отвести воды реки Черной. Когда их отвели, на дне обнаружили три ключа, из которых была минеральная вода. В восемьсот шестьдесят пятом году для анализа воды предприимчивый Балавинский пригласил магистра фармации Кассельмана, сравнившего состав хиловской воды с баварскими минеральными водами. Еще через год в Хилово приехал с той же целью профессор Московского университета Александр Порфирьевич Бородин, опубликовавший подробный отчет о своей работе в журнале «Минеральные воды России». И тут выяснилось, что по составу эта вода из Хилово более всего похожа на минеральную воду из Эссентуков. Тот самый четвертый номер, который теперь продают почти в каждой аптеке и даже в супермаркетах. Через самое короткое время Балавинский заключил с военным ведомством контракт на двенадцать лет на лечение солдат и офицеров. После этого Хилово стало превращаться в курорт. Уже в шестьдесят седьмом году здесь лечилось девяносто человек – все это были петербургские военные. Через год их лечилось уже сто двадцать. Вслед за военными потянулись и гражданские. Да и почему бы им не потянуться, если курорт находится под боком у столицы. Построили здание водолечебницы с мужским и женским отделением и еще одно здание для модного тогда лечения молоком и сывороткой. Псковские губернские ведомости напечатали объявление: «На основании заключения медицинского совета, утвержденного г. министром внутренних дел, дозволено Порховскому помещику Балавинскому открыть для публики устроенное им в селе Хилово Порховского уезда в собственном его имении на источнике серных минеральных вод водолечебное заведение». Петр Петрович установил перед зданием водолечебницы памятный камень, на котором приказал выбить герб Балавинских с девизом «Полеза выше победы» и надписью: «Открыты помещиком Петром Балавинским в 1865 году». Через двадцать лет Хилово в сезон принимало до восьмисот человек, а через двадцать четыре года спустя после основания курорта вышел именней высочайший указ «О признании общественного значения за Хиловскими минеральными источниками». Через восемь лет после выхода именней высочайшего указа Петр Петрович Балавинский³⁶ скончался и курорт стал приходить в упадок, а в девятьсот одиннадцатом году его сын и вовсе продал поместье вместе с захиревшим курортом. Впрочем, о курорте мы еще поговорим, а пока посмотрим на торговлю и промышленность города и уезда второй половины девятнадцатого века.

Ничего особенного мы там не увидим – обычная торговля и обычная промышленность небольшого уездного города империи. В семидесятых годах в Порхове работали три ярмарки в год – в январе, в мае и в октябре. В Никандровой пустыни была еще одна – в сентябре. Она была самой значительной. Правду говоря, и эти ярмарки год от году становились все малолюднее и оборот их падал. Торговали на них большей частью местные купцы. Заезжих было мало. Торговали всем, чем торгуют на уездных ярмарках – лаптями, горшками, сапогами, армяками, овчинными и заячьими тулупами, топорами, уздечками, дегтем, продуктами, и так до самых иголок. Ряд товаров традиционно везли на продажу в другие города губернии и за ее пределы – прежде всего лен, рожь, льняное семя, овес, лес, выделанную кожу и изделия из нее. Лен вывозили в основном за рубеж, в качестве сырья. Можно было бы вывозить льняную пряжу или полотно, но ни в уезде, ни в городе не было ни одной льнопрядильной или полотняной фабрики. Что тут скажешь... их там и сейчас нет. Они там и не нужны. Нет льна, и нечего перерабатывать. Теперь про хлеб. В восемьсот шестьдесят восьмом году из посада Сольцы в Петербург было отправлено 142218 пудов хлеба, то есть ржи. В пересчете на центнеры 22754,88. В две тысячи двадцать первом году Порховский район, если судить по официальным данным, которые сообщает на своем сайте администрация района, собрал всех зерновых культур 22392 центнера. Конечно, в позапрошлом веке Порховский уезд был несколько больше, как и вся Российская империя, вода была мокрее, колосья ржи колосистее, но у крестьянина Порховского уезда лошадь, соха, деревянная борона и навоз в качестве удобрения, а в Порховском районе трактора, стальные плуги, сеялки, веялки, бороны, аммиачная селитра, хлористый калий, азофоска и... урожайность тринадцать центнеров с гектара.

Не будем о грустном. Вернемся во вторую половину позапрошлого века. Надо сказать, что и городская и уездная промышленность не производила каких-нибудь особенных сложных машин

она и сейчас этого не делает, а занималась в основном переработкой сельскохозяйственного сырья. Конечно, мануфактуру, галантерею, шампанское, шоколадные конфеты и фарфоровую посуду приходилось завозить из столицы, но свечи, масло, мыло, ржаную муку, деготь, пиво, изделия из войлока, глиняную посуду и кирпичи производили в городе и уезде. Одних мельниц в уезде к концу века работало сто тридцать четыре, а еще три десятка синилен, четырнадцать кожевенных заводов, девять маслобоен, восемь кирпичных заводов, три войлочных, свечной, пивоваренный... Конечно, это были мелкие заводы, на которых работало по несколько рабочих, но кирпичи, мыло и пиво завозить в Порхов нужды не было, а если мы к пиву с мылом прибавим еще сигары и табак, которые, как вы помните, производились в уезде... Руки чешутся сравнить Справедливости ради нужно сказать, что кожевенный завод товарищества Шелониной и Зацкого был, по меркам того времени и по порховским меркам, огромным. На нем работало около сотни рабочих. Можно сказать, что он был флагманом кожевенной промышленности Псковской губернии. Все, что было не торговля льном, зерном, не кожевенные и свечные заводы – было отхожий и местный промыслы. Каждый год крестьянам выдавалось более шести тысяч паспортов. Получив их, уходили порховские мужики на заработки, чаще всего в Петербург. Они и сейчас так делают. С той лишь разницей, что полтора века назад мужик за полгода денег заработал и вернулся домой, к своему хозяйству, а сейчас он в Петербурге круглый год, а если получится, то и семью туда забирает. Местные промыслы представляли собой плетение корзин, лаптей, туесов, изготовление граблей, колес, телег, бочек, саней, шитье одежды, тачание сапог... Короче говоря, все то, чем теперь богаты посвященные крестьянскому быту залы наших районных музеев.

В шестьдесят девятом году, после нескольких лет подготовки в Порхове наконец создали вольное пожарное общество. Средства на организацию общества пожертвовало городское купечество, мещанство и губернское земство... впрочем, последнее сделало это по долгу службы, выдав деньги из остаточных сумм страхового сбора. Первого мая министерство внутренних дел утвердило устав общества, и этот день стал считаться днем его образования. Отмечался он в городе как праздник. Сначала молебен на Соборной площади, потом пожарные в сверкающих медных касках шли по главной улице с оркестром, потом демонстрация пожарной техники, потом народные гулянья, на которые собирались не только горожане, но и жители окрестных деревень. Не надо при этом думать, что порховская пожарная техника состояла из одних бочек с водой, ведер и багров. Совсем нет, хотя поначалу так оно и было, но к концу века у общества появился английский паровой насос Shand Mason с начищенным до блеска медным котлом, манометрами и множеством самых различных кранов и краников.

В середине семидесятых годов появились в Порховском уезде первые и последние народники. В уже упомянутом селе Старые Буриги лечил местное население, а заодно и распространял среди него запрещенную литературу, будущий член «Земли и Воли», один из организаторов «Черного передела» Осип Аптекман. В деревне Студенец тем же самым, то есть пропагандой среди крестьян, занимался юрист Александр Ольхин. В семьдесят девятом году его арестовали и выслали под гласный надзор в Вологодскую губернию. В этом же году в Студенец приехала работать в школе помещицы Косяковской еще одна народница Александра Яворская. Так случилось, что как раз летом восьмидесятого года в соседнюю со Студенцом деревню Береза приехала с родителями на отдых одиннадцатилетняя гимназистка Надежда Крупская. Она так привязалась к Яворской, что решила стать и учительницей, и революционеркой в одном флаконе. Позже, в девятьсот тридцатом, Крупская писала Яворской: «И остался у меня на всю жизнь образ молоденькой учительницы-революционерки. И сама я решила идти в деревню в учительницы». Вот так, в семидесятых годах девятнадцатого века, в глухой деревне Порховского уезда и началось то, что потом... а могла бы пойти в деревенские учительницы, приехать в Студенец, учить крестьянских детишек, выйти замуж за земского врача или землемера, нарожать... или остаться старой девой в темном платье с белым ажурным воротничком рিশелье, но не строгой и ворчливой, а доброй, у которой в доме вечно пили бы чай с баранками и колотым сахаром вприкуску замурзанные девчонки и мальчишки, влюбленные без памяти в свою Надежду Константиновну, а она читала бы им сказки Чуковского вместо того, чтобы их запрещать, а они ей каждый год по весне

вскапывали бы огород и таскали бы из дому то яиц, то сметаны, то картошки, то ломоть кулича к Пасхе, но... не пошла³⁷.

Пока народovolьцы обучали крестьян порховского уезда политграмоте и звали их к топору, порховские дворяне принимали участие в русско-турецкой войне. Отличился генерал-майор Георгий Александрович Бороздин – из тех самых Бороздиных, что храбро воевали с французами в двенадцатом году. Георгий Александрович за турецкую кампанию получил и орден Св. Станислава, и орден Св. Владимира, и золотое наградное оружие. Отличились трое братьев Лихачевых – майор и два капитана, родственники героя Отечественной войны генерал-майора Петра Гавриловича Лихачева. Один из братьев – Константин Платонович Лихачев – майор Сибирского гренадерского полка погиб при взятии Плевны. Отличился помещик Порховского уезда, владелец усадьбы Полоное, генерал от кавалерии князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, который, кроме того, что в качестве корпусного командира принял участие в боевых действиях, был назначен императорским российским комиссаром в Болгарии, руководил временной гражданской администрацией Болгарии и оставил по себе такую хорошую память у болгар, что в Софии до сих пор один из бульваров называется «Князь Александър Дондуков». Это, конечно, куда больше, чем орден Св. Владимира 1-й степени и чин генерала от кавалерии, которые князь получил за турецкую кампанию.

Как раз в год окончания русско-турецкой войны в Порхове родилась Павла Леонтьевна Вульф – замечательная русская и советская актриса, заслуженная артистка Республики и театральный педагог. Теперь ее, кроме историков театра, увы, мало кто помнит, зато ее ученицу, Фаину Георгиевну Раневскую, помнят все.

В восемьсот восемьдесят седьмом году Порхов праздновал пятисотлетний юбилей своих крепостных стен. Псковский губернатор барон Иксуль прислал приветственную телеграмму, в которой писал: «...сердечно желаю, чтобы новая половина тысячелетия ознаменовалась усугублением старой доблести и благосостояния». Из Гродно поздравлял епископ Брестский Анастасий: «Из пределов некогда враждебной Порхову, ныне же Божиею милостию преданной Русскому Царю, Литвы шлем сердечный привет родному нам городу и поздравление с его знаменательным юбилейным праздником...». Поздравительные телеграммы пришли из Риги, Ревеля, Харькова, Пскова, Острова, Опочки, Старой Руссы, Новгорода Великого, Новоржева и Торопца. Первый порховский летописец Евгений Лебедев в Псковском городском листке опубликовал заметку, посвященную юбилею Порховской крепости: «Незнатен Порхов теперь, немногим более славен он был и несколько столетий назад, сперва в качестве пригорода Господина Великого Новгорода, а потом сделавшись с конца XV века отчиною великих князей и царей Московских... Но давно встречаются в истории и многие маленькие города в роде празднующего свой юбилей Порхова. Последний не играл какой-либо видной роли в русской истории... все значение Порхова сводилось к тому, что твердыни его лишь сдерживали наступательное движение врагов. Впрочем, и это был хотя скромный, но честный исторический труд в деле охранения исконной русской территории и народности...».

За шесть лет до юбилея Лебедев, тогда еще студент столичной Духовной Академии, писал в Вестнике Псковского губернского земства: «Наш Порхов, занимающий невысокое место в ряду русских городов и не имеющий известности, вправе, однако, обратить на себя внимание в историко-археологическом отношении. ...Теперь же – *sic transit gloria mundi* – стены, видевшие пред собою и отражавшие грозные полчища литовского князя Витовта, чуди, польского короля Стефана Батория, шведов под предводительством Делагарди – окружают собой огород, принадлежащий крепостной церкви и отдаваемый от нее в аренду! Стенам, защищавшим некогда порховичей и окрестных жителей от неприятельских набегов, суждено в конце концов охранять от разграбления городских ребят и скота огурцы, лук, морковь и капусту!

Всепожирающее время и невежество делают, конечно, свое дело... Но это не оправдывает общественного равнодушия и невнимания к древности. Настоящее время пробуждения русского исторического самосознания понятно направляет везде к исследованию, сбережению и почитанию отечественной старины и ее памятников... Не мешало бы и порховичам с

подобающим уважением отнестись к своей старине. Обыкновенно любят украшать свежими растениями и цветами могилы дорогих умерших. Отчего бы не украсить чем-нибудь подобным и серые полуразрушенные стены, и башни – этот красноречивый памятник давно минувшей жизни и братскую могилу предков, проливших кровь в борьбе с врагами родины? Вместо огорода, существование которого в крепости совершенно не гармонирует ни с исторической важностью места, ни с близостью древнего патронального храма св. Николая, – было бы приличнее, по примеру Пскова, рассадить городской сад (земли под крепостью 1 десятина и 1313 кв. саж.), конечно не для гуляний с музыкой и увеселениями, а для скромной прогулки и серьезного размышления о прошедшем. Ведь в прошедшем, в истории вся наша нравственная связь, из прошедшего же можно извлечь прекрасные уроки для настоящего – особенно ввиду того, что наше русское общество, призванное действовать дружными усилиями, все еще смотрит врознь и ходит вразброд. В древних развалинах, сослуживших когда-то посильную службу общему делу защиты русской земли от различных внешних врагов, каждый должен видеть напоминание собственных обязанностей на пользу общественно-государственную!»

Ботанический сад будет. Его устроит семья прибалтийских немцев, проживавших в крепости сразу после девятьсот семнадцатого года. Он и сейчас есть и даже ухожен, но что касается скромных прогулок и размышления о прошедшем... Туристам некогда – у них по плану после экскурсии по крепости обед, посадка в автобус и отъезд в Псков, Петербург или Новгород, а местные жители здесь не прогуливаются. Что касается общественного равнодушия, невежества, извлечения прекрасных уроков для настоящего, особенно ввиду того, что наше общество как смотрело врознь, как ходило вразброд, так и...

Не будем, однако, чрезмерно строги к провинциальному Порхову. Можно подумать, что кроме него у нас нет других городов, в которых общество и ходит, и смотрит точно так же. Кстати, о провинциальности. В юбилейный год приезжал в Порхов вел. кн. Владимир Александрович, а вместе с ним, вернее, в его свите, приезжал Константин Константинович Случевский – поэт, писатель, драматург и переводчик. Приезжал он, конечно, не в этом качестве, а как чиновник для особых поручений министерства внутренних дел. Ничего интересного для краеведа в описании Порхова у Случевского не найти – перечисление давно известных фактов из истории крепости и города, а вот обидное во фразе «Вот хоть бы и Порхов, один из самых невидных провинциальных центров наших...» найти определено можно.

В «невидном» Порхове в восемьсот восемьдесят седьмом году проживало 4415 человек. Мужчин и женщин почти поровну. По данным губернского статистического комитета домов в городе «исчислено 540, из них принадлежит: дворянам 37, духовным 16, купцам и почетным гражданам 52, мещанам 288, крестьянам 86, разночинцам 61... Каменных зданий 137, деревянных 1810 и смешанных 19. Из них крыто железом 112, деревом 1241, толем 6 и соломой 605. Квартир всего 1027, следовательно, на каждую квартиру приходится 4,3 чел. Комнат исчислено всех 2855, в том числе занятых населением 2418, поэтому на каждую комнату приходится 1,6 чел.»

С одной стороны, все эти скучные цифры современному читателю ни к чему. Так же, как и данные о количестве скотины, которую держали порховичи – 317 лошадей, 506 голов крупного рогатого скота, 93 овцы, 221 свинья и 19 коз, но представьте себе, что вы летите над уездным городом как Шагал, но без жены, над церквями, над домами, крыши которых крыты большей частью деревом или соломой. Сверху не видно, но в хлевах стоят коровы, свиньи, козы, а в конюшнях лошади. Запах навоза поднимается до верхних слоев тропосферы. В квартирах проживает по четыре с лишним человека, а в каждой комнате чуть больше, чем по полтора. Кто-то обедает щами и гречневой кашей с грибами, кто-то доит корову или козу, кто-то точит нож, чтобы зарезать свинью, кто-то читает газету, кто-то зевает глядя в окно, кто-то тайком от супруги достал из буфета графин с анисовой настойкой и опрокидывает одну рюмку за другой, кто-то бренчит на гитаре, гриф которой перевязан красным шелковым бантом, кто-то обещает кого-то выпороть за вторую двойку по арифметике и даже хватается за ремень, кто-то молится, кто-то плачет в подушку и мечтает улететь из Порхова хоть на Луну... Никого из них уже нет. От

большинства остались только эти скупые цифры, собранные губернскими статистиками да может быть несколько крестов на кладбище.

Занимались горожане большей частью хлебопашеством и мелочной торговлей. Хлебопашцев, правда, немного – всего четырнадцать процентов. Имелись и ремесленники – сорок два извозчика, четыре часовщика, два ювелира, один трубочист, три переплетчика, семь кузнецов, гончар, бондарь, семь булочников, два колбасника, одиннадцать портных, пять сапожников, две модистки, пять башмачников, четыре шапочника, два слесаря, шесть столяров и ни одного парикмахера. Жили тихо – за год всего одно убийство, между тем как в уезде за тот же год шестнадцать. Самоубийств и вовсе не было. Вот только два человека умерло от пьянства. При том, что в уезде от него же отдало Богу души шестнадцать человек.

Промышленность в Порхове... самая обыкновенная уездная промышленность конца позапрошлого века – кожевенный завод с десятком рабочих, пивоваренный с пятью рабочими, три мукомольных с пятью рабочими на всех трех, свечной с одним рабочим, таких же масштабов гончарный, два синильных. Рабочих везде раз-два и обчелся. Продукции эти заводы производили в год... кот заплакал: свечной завод на 482 рубля, три мукомольных на 1305 рублей, гончарный и вовсе на сто рублей, пивоваренный на 6120 рублей, а кожевенный, на котором работало десять человек, вырабатывал кож на восемь тысяч рублей.

Только на трех льняных заводах работало полсотни человек. Правда, основные мощности по переработке льна были расположены в уезде. Вот тут Порховскому уезду есть чем удивить, если не поразить воображение. В тот год в уезде было произведено почти полмиллиона пудов льняного волокна на миллион шестьсот тысяч рублей серебром. Это не только первое место в губернии, но больше, чем производство льна за тот же период в Великобритании, Швеции, Дании и Греции вместе взятых.

В девяносто седьмом году через Порхов проходит железная дорога, соединившая станцию Дно, расположенную в Порховском уезде, и Псков. В этом же году построено здание вокзала и проложен до него из центра города бульвар.

Добавим еще несколько штрихов к портрету Порхова конца девятнадцатого века. Всех торговых заведений в Порхове к концу века было 261. Из них трактиров сорок один, а все остальное разного рода лавки, суммарный торговый оборот которых составлял более миллиона рублей. Прибавим сюда типографию, литографию, две библиотеки, книжную лавку, аптеку, две нотариальных конторы, земскую больницу на полсотни коек, четыре похоронных кассы с ежегодным оборотом в двадцать тысяч рублей, ссудно-сберегательное товарищество, вольное пожарное общество, в котором состояло сто двадцать два члена, общественную богадельню Жукова с пятьюдесятью призреваемыми, при ней бесплатную столовую для бедных, приют с семнадцатью детьми, общественный банк с капиталом в почти пятьдесят тысяч рублей и... нет, не все. К концу века в Порхове лавинообразно размножились сапожники и портные – первых стало восемьдесят, а вторых пятьдесят. Вот теперь все. Можно переходить к двадцатому веку.

Снова о железной дороге. В сентябре девятьсот первого года открыли движение пассажирских и товарных поездов на участке Петербург – Витебск от станции Дно до станции Новосокольники. Появилось на этом участке пять новых станций. С одной стороны, это, конечно, хорошо – торговать стало удобнее, уезд стал быстрее развиваться, появились рабочие места на станциях, в паровозных депо и в путевых хозяйствах, а с другой... Большую часть контор, торговавших льном, их владельцы перенесли из Порхова поближе к железной дороге. С третьей стороны, началась массовая миграция крестьян-отходников в Петербург на заработки и до сих пор никак не закончится.

Порхов начала двадцатого века мало чем отличался от Порхова конца девятнадцатого, и все же... Раскинулся он на площади в 274 десятины или всего на трех квадратных километрах. На этих километрах умещались: сорок одна улица общей длиной двадцать пять верст, из которых замощено было только шесть. Длина тротуаров, вымощенных плитами известняка или булыжником, и вовсе полторы версты плюс три площади, сквер и два бульвара. Жилых домов около восьмисот. Из них деревянных семьсот. Остальные каменные и полукаменные. К домам

прибавим десять церквей, два кладбища, женскую гимназию, начальное, приходское и духовное училища, а в двенадцатом году к ним добавилось еще и реальное училище³⁸, построенное на деньги промышленника Владимира Петровича Ардамацкого. Водопровод отнимем. Не было водопровода и не планировалось. Сто один уличный фонарь прибавим. Керосиновый, конечно, не электрический. Освещались улицы Петербургская, Песчаная, Смоленская и Соборная площадь. Перед самой Первой мировой войной появились в городе два электрических фонаря – один освещал улицу перед домом владельца винокуренного завода Тютчева, а второй перед домом купца Кожевникова. Телефон можно и не прибавлять – он был всего один и соединял дом городского головы Петра Петровича Зацкого с его же овчинно-шубным заводом, принадлежавшим ему и его жене Марии Александровне Шелониной. Это было самое крупное предприятие в городе. В девятьсот тринадцатом году на нем работало сто десять человек, а через два года уже двести десять. Овчинно-шубная фабрика была и самым передовым предприятием Порхова – на ней были установлены паровая машина мощностью в сорок лошадиных сил, паровой котел, подошвенный каток для прокатки кож, водяная турбина и паровой локомобиль. Второе, третье и четвертое место в городе занимали кирпичный завод, винокуренная и бечевочная фабрики. На этих предприятиях работало по несколько десятков человек. Типография тоже могла считаться предприятием, но на ней работало всего четыре человека.

Теперь о торговле. В центре города, на Петербургской улице, располагались лучшие порховские магазины: шляпный Каина, шапочные Гириша и Маилова, кондитерская Зайцева, булочная Ермолаева, косметический магазин Линде, бакалея Вульфа и Фендорфа, колбасная лавка братьев Ковалевых, булочная Перфильевых, аптека, несколько винных и продуктовых лавок. Жагот и Фишер торговали галантерейными товарами, Бажбауэр – хрустальной, фарфоровой и фаянсовой посудой, Кожевников и Ванюков – тканями от льняных до бархата и парчи. Петербургская контора известных на всю Россию чаеоторговцев братьев Перловых держала в Порхове бакалейный магазин, как сказали бы сейчас, премиум-класса. У дверей покупателей встречал директор. В рыбной лавке купца Усанова торговали речной и озерной рыбой со всей губернии. На Смоленской улице был колбасный магазин Фрейндорфа, а на Песчаной, у Брунова, перед Рождеством и Пасхой принимали заказы на копчение свиных окороков. Державшие или покупавшие свиней и поросят горожане безжалостно резали их к праздникам. Для любителей музыки имелся салон, продававший граммофоны, а для любителей шить – салон, где продавались швейные машины «Зингер». Салоны эти были удивительны тем, что в них можно было приобрести граммофоны и швейные машины в кредит. К кредиту в те времена в провинции еще не привыкли ни покупатели, ни продавцы. В дополнение ко всем этим магазинам и лавкам в Порхове имелись торговые ряды и два рынка – продуктовый и строительный. Готовую мебель купить было невозможно. Принято было ее заказывать местным столярам.

Воду из Шелони для питьевых нужд не брали. Она и тогда была нехороша для питья, и сейчас не лучше. Почти на каждой улице имелись колодцы с родниковой водой. Воду из реки брали для тушения пожаров. В ней же стирали и полоскали белье. Городские власти для этих целей устанавливали несколько плотов на привязи.

Не нужно, однако, думать, что Порхов был медвежьим углом, где только и можно было резать свинью перед Рождеством, закоптить окорок и пройтись по торговым рядам в рассуждении купить колбасы, фарфоровой посуды, хрустальных рюмок, коньяка Шустова, мраморного мыла Жукова и керосина братьев Нобель. Для культурного отдыха в городе имелось два сада – Бухарова и Севостьянова. В первом владельцем был построен летний театр на полторы сотни мест. В театре давались концерты, спектакли, читались лекции и показывали кино. В спектаклях принимали участие не только провинциальные, но даже столичные актеры Александринского театра – Екатерина Корчагина-Александровская, Василий Топорков, Павел Лешков. Попасть на спектакли с их участием было непросто. Ставили кроме, разумеется, комедий и серьезные пьесы – «На дне», «Мещане», «Власть тьмы». Правда, в рецензии на спектакль «На дне» писали, что содержание пьесы, несмотря на хорошую игру актеров, «не понравилось девяти десятым порховичей».

На втором этаже здания летнего театра помещался ресторан. На входе в него по моде тех лет стояло огромное чучело медведя с большим блюдом руках. В вечернее время и здание театра, и сад освещались электричеством. Нужно сказать, что в саду Бухарова не только ставились спектакли и читались лекции. В двенадцатом году здесь прошел чемпионат по французской (греко-римской) борьбе. Победил в нем уроженец Порховского уезда Николай Быков.

В саду Севастьянова... было почти то же самое, но с некоторыми отличиями. Кроме летней сцены владелец сада построил раковину для музыкантов, и в этой раковине по вечерам играли заезжие музыканты, а с началом Первой мировой войны – духовой оркестр 120-го запасного полка, расквартированного в Порхове. В полку имелся еще и самодельный драмкружок, развлекавший горожан спектаклями, по большей части комедийными. Женские роли в таких комедиях исполняли солдаты и унтер-офицеры. И это не все. В центре города на Петербургской улице в девятьсти двенадцатом году открылся синематограф «Фантазия». Перед началом сеанса несколько дюжих мужчин-добровольцев помогали механику синематографа раскрутить маховик двигателя динамо-машины. К сожалению, в начале Первой мировой войны «Фантазия» закрылась и на ее месте устроили военный склад.

Имелись в Порхове начала века и развлечения менее культурные, чем театр или синематограф. На ежегодной осенней ярмарке непременно участниками были бродячие труппы циркачей и кукольников. На правом берегу Шелони, возле железнодорожного моста был даже настоящий ипподром с беговыми дорожками, трибунами и конюшнями. Правда, он популярностью у горожан не пользовался и в самом скором времени закрылся. Популярностью пользовались шарманщики – они, по воспоминаниям современников, в Порхове не переводились.

Оставим шарманщиков и обратимся к беспорядкам девятьсот пятого и девятьсот шестого годов в городе и уезде. В девятьсот пятом в Порхове все ограничилось разбрасыванием листовок и прокламаций. Десятого февраля началась и... быстро закончилась забастовка рабочих паровозного депо на станции Дно. Рабочие, правда, успели прогнать телеграфистов, отключить телеграфный аппарат и построить баррикаду на железнодорожных путях, чтобы задержать поезд Бологое – Псков, но из Пскова власти незамедлительно прислали роту солдат, и движение было восстановлено. Уже на следующий день забастовщики вышли на работу. Девятого января девятьсот шестого года порховский исправник доносил в Псков: «В настроении сельского населения вверенного мне уезда перемен за последнее время не произошло. Крестьяне по-прежнему находятся в напряженно-выжидательном состоянии. Самовольно вырубали лес почти во всех селениях Бельской и Дубенской волостей». Крестьян наказали – нескольких зачинщиков посадили в тюрьму. В конце мая девятьсот шестого в Порхове на улицы вышли с красными флагами учащиеся городских училищ. Собралось около семидесяти человек. Походили и разошлись. Власти ответили арестами порховской группы социал-демократов и высылкой их под надзор полиции в Вологодскую губернию. В ссылку попала земская учительница, занимавшаяся агитацией среди крестьян в уезде, а один из активных рабочих агитаторов на станции Дно даже отправился на каторгу, но уже в начале девятьсот седьмого года все революционное движение в городе и уезде, которое и без того было не очень революционным и не очень движением, пошло на убыль и к лету прекратилось совсем.

Параллельно с участием в беспорядках или в первой русской революции порховичи приняли участие в русско-японской войне. Участие это, как и в крымской кампании, было скромным. Из города и уезда мобилизовали без малого тысячу человек. Все это были, за редким исключением, рядовые. Из Порхова призвали двух отставных прапорщиков. Повысились цены на продукты в связи с тем, что призванных нужно было кормить, а питейная торговля понесла большие убытки – псковский губернатор Адлерберг запретил ее по всему пути следования мобилизованных к пунктам сбора. Пять сирот, потерявших родителей на этой войне, были приняты под покровительство Алексеевского главного комитета³⁹ по городу Порхову. Две девочки и три мальчика в возрасте от трех до шести лет. Вот и все участие.

Вернемся к мирной жизни, которой осталось до четырнадцатого года всего ничего. Начнем с культурной жизни. В девятьсот восьмом году в Порхове появился любительский театр.

Через три года построили кинематограф. Перед Первой мировой войной в городском парке построили специальное здание для драмтеатра. При нем же устроили и кинозал. Не знаю – можно ли назвать прилет самолета в Порхов явлением культурной жизни, но приземлившийся на поле возле городского кладбища крошечный «Ньюпор» собрал возле себя такие толпы горожан, что полиция на всякий случай огородила аэроплан канатами и выставила охрану, а самого летчика городской голова увез к себе в гости. В девятьсот пятнадцатом году стараниями Порховского уездного земства было закончена прокладка телефонной сети, соединившей Порхов, Сольцы и Дно – наиболее крупные населенные пункты уезда. Телефоны установили во всех волостных правлениях, полицейских и медицинских участках, в учреждениях должностным лицам и даже частным абонентам. Как грибы после дождя росли самые различные общества – сельскохозяйственные, садоводства и огородничества, пчеловодства, Порховский женский клуб, Порховское общественное собрание и общество музыкально-драматического искусства. В девятьсот первом году был учрежден устав Порховского общества трезвости и воздержания от сквернословия. Хотите верьте, хотите нет, но членами общества были двести семьдесят восемь человек.

В тринадцатом году Порхов, как и вся империя, отмечал трехсотлетие дома Романовых. Отмечали пышно – в Свято-Благовещенском соборе отслужили литургию в присутствии городского и уездного начальства, потом священник произнес слово о доме Романовых, потом крестный ход, потом благодарственный молебен у бюста Николая Второго с провозглашением многолетия всему царствующему дому, потом парад, в котором приняли участие военные и духовой оркестр 94-го Енисейского пехотного полка, конная полицейская стража, вольное пожарное общество и учащиеся реального училища, потом торжественное заседание представителей всех городских сословий в здании городской думы, потом заместитель предводителя уездного дворянства произнес речь и зачитал текст поздравительной телеграммы императору. После еще одного доклада, который сделал директор реального училища, стали пить шампанское за здоровье императора и царствующей фамилии. Вечером в городском драматическом театре давали оперу «Жизнь за царя». Ну и конечно иллюминация, флаги на домах и народные гуляния.

В том же году, в октябре, статский советник князь Андрей Григорьевич Гагарин – ученый, инженер и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института в двенадцати верстах от Порхова в имении Холонки построил для своей большой семьи дом по проекту архитектора Ивана Александровича Фомина. В тринадцатом году это просто усадебный дом, хотя памятником архитектуры неоклассицизма он стал уже при рождении. Пока он в нашей истории как ружье, повешенное на стену в первом акте. Его еще доделывали до июня следующего года, а в конце июля началась Первая мировая война. Сыновья Андрея Григорьевича ушли на фронт, а сам он оборудовал в доме на свой счет лазарет на пятнадцать коек для раненых и больных солдат, за которыми ухаживали его жена и дочь.

В Порхове тоже организовали два лазарета, куда привозили с фронта раненых и больных сыпным тифом. По городу что ни день ходили инициированные властями демонстрации верноподданных граждан империи с портретами царя, хоругвями, иконами и попами. Заработал цех по производству ручных гранат. Местные ремесленники делали для нужд армии однокопные и пароконные повозки, лошадиную сбрую, шили полушубки. Уже осенью четырнадцатого года в Порхов прибыл первый эшелон с беженцами из Прибалтики и Польши. С появлением беженцев повысились цены на продукты питания, которые и без того были немаленькими. Повысились не только цены, но и призывной возраст. В Порхове расквартировали запасные 63-й и 120-й пехотные полки, задачей которых было формировать маршевые батальоны и отправлять их на фронт⁴⁰. По мере того, как линия Северного фронта приближалась к городу, состав гарнизона стал меняться с калейдоскопической быстротой. В шестнадцатом году в Порхов прибыл черкесский кавалерийский эскадрон на случай прорыва немцами линии фронта за Псковом или подавления крестьянских беспорядков. В ожидании прорыва и беспорядков эскадрон сам стал источником последних – черкесы самовольно совершали набеги на дворянские усадьбы с целью самого обычного грабежа. К счастью, эскадрон быстро отправили на фронт⁴¹.

Примечания

²⁵Сведений об общественной жизни Порхова и уезда, а тем более личной жизни порховичей первой четверти восемнадцатого века дошло до нас исчезающе мало, но все же они есть. Нет, стихи порховского воеводы, любовные письма его жены стрелецкому сотнику и материалы следствия по делу о том, как порховские портные передрались между собой, выясняя, кто из них будет шить платье нового покроя воеводине, до нас не дошли. Дошло донесение в Архиепископский разряд архиепископу Новгородскому и Великолуцкому Феодосию, датированное декабрем семьсот двадцать второго года. Написано оно священником Карачуницкого погоста Шелонской пятины Новгородского уезда Аристархом Иосифовым, занимавшим должность проверяющего, то есть имеющего право решать и судить дела в церковной сфере округа Зарусской половины – той части Шелонской пятины, в которой, собственно, и располагался Порхов и его околородье. «...1722 в ноябре месяце был я... в Болчинском погосте в церкви Живоначальны Троицы, и тое церкви поп, Матвей Яковлев, нерадением и безчинством своим в пределе мученицы Параскевы на престоле антиминос сверчен и мят в куче лежит с покрывалом на одном углу, и завеса у царских дверей не задета. Да он же пьет, поп, пьет и ходит на кабаки, и напився пьяно, сего декабря 27 дня пришел в церковь Богородицы Покрова в погребение мною дочери моей духовной, девицы Матрены Лаврентьевой, не сотворя святыя церкви поклонения, чинил мятеж и сквернословил, бранился матерны... и заперса с попадьей в церкви, ломал церковные двери изнутри и стук великий чинил, и во время чтения мною гевангелия на погребении и внутри церкви всякими скверными словами сквернословил при свидетелях».

Короче говоря, навел шороху в подведомственной ему церкви Матвей Яковлев. Тем не менее виновным он себя не признал, упорно все отрицал и говорил на допросе, что «пьян никогда не бывает, и на кабаки никуда не ходит», хотя и уличен был свидетелями – собственным братом диаконом Тихоном Яковлевым, пономарем Алексеем Леонтьевым, отцом этого пономаря Леонтием Артемьевым, диаконом Ульяном Гавриловым и еще одним пономарем Федором Петровым. Пришло отцу Матвею, пока шло следствие по его делу, посидеть под караулом в Новгороде несколько месяцев и написать Новгородскому архиепископу челобитную, в которой он просит отпустить его домой, потому как у него и покос, и сбор хлеба, и сев озимых. Сельскому священнику в те времена приходилось и пахать, и сеять, и хлеб убирать, чтобы, как пишет Яковлев, «не притыти во всеконечную скудость и з домашними не истаеть от гладов великих...». Самое удивительное, что челобитная возымела действие, и Яковлева отдали под расписку поручителей с условием по первому требованию явиться на допрос в Новгород. Увы, чем кончилось это дело, мы не знаем, поскольку в нем отсутствует заключительная часть.

²⁶В этой поездке сопровождал ее французский посол граф де Сегюр, записавший в своем дневнике: «приехали в Порхов – замечательный город, где псковский губернатор князь Репнин принял нас торжественно и пышно».

Императрица между двумя этими визитами проезжала через Порхов и ночевала там в семьсот восемьдесят четвертом году. За версту от города ее встречали городничий с купечеством, а в Дубровне, где она обедала, ее встречали и провожали уездный судья с заседателями, уездный землемер и уездный предводитель дворянства с представителями дворянства. Ничего особенного в этот визит не произошло. Просто проехала и все, но как представишь себе обсаженную молодыми березками недавно проложенную дорогу, городничего верхом при полном параде, его коня, прядящего ушами, купцов в долгополых кафтанах и одного из них – самого высокого и дородного, держащего в больших красных руках резное деревянное блюдо, на котором на вышитой салфетке воздвигнут пухлый каравай с серебряной солонкой, какую-то бабу, обмахивающую чистой тряпицей пыль, уже успевшую сесть на каравай, еле заметное маленькое облако пыли вдалеке, бестолковую суету, внезапный, как выстрел, крик «Едут! Едут!», городничего, вытирающего огромным фуляровым платком вспотевшую шею себе и своему коню, коня, в нетерпении переступающего с ноги на ногу, купцов, нервно оглаживающих свои бороды, мгновенно простывший след от бабы, стряхивавшей пыль с каравая, нахальную муху, не вовремя севшую на край солонки...

²⁷Сын Кожина лейб-гвардии поручик Петр Кожин в 1789 г был убит своими крестьянами за жестокость.

²⁸О Николае Михайловиче Бороздине нужно сказать особо. Происходил он из дворян Псковской губернии. Родился в имении Бороздиных, в селе Костыжицы Порховского уезда. В молодости был хорош собой, прекрасно пел, фехтовал, танцевал и ездил верхом. При Павле Первом отсидел шесть недель в крепости. По официальной версии «за хвастовство, что он будет пожалован к Его Императорскому Величеству во флигель-адъютанты», а по неофициальной за то, что имел неосторожность понравиться фаворитке императора – княгине Гагариной. Он и стал флигель-адъютантом в восемьсот третьем году, но уже после убийства Павла Петровича, участником заговора против которого он был и не просто был, а входил в число тех четырнадцати человек, которые ворвались в покои императора в ночь убийства. Через год после своего производства во флигель-адъютанты Николай Михайлович женился на Елизавете Жеребцовой. Воевал храбро, принимал участие в заграничных походах русской армии в восемьсот пятом и восемьсот седьмом годах. Был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и золотым оружием за храбрость. Потом Отечественная война, потом снова заграничные походы. Бороздин командует сначала кирасирской бригадой, потом дивизией драгун. В наградном рапорте на Николая Бороздина после Бородинского сражения главнокомандующий Михаил Илларионович Кутузов писал: «...генерал-майор Бороздин привел 1-ю кирасирскую дивизию и повел оную с большим порядком и мужеством в атаку, опрокинул неприятельскую кавалерию... и после жестокого кавалерийского боя неприятельская конница вовсе была сбита и принуждена удалиться».

В восемьсот восемнадцатом году жену Бороздина за заслуги мужа пожаловали в кавалерственные дамы ордена Св. Екатерины. К этому времени она родила мужу пятеро детей – четырех девочек и одного мальчика. Все, казалось, шло хорошо – Бороздин был оваянный славой генерал, командующий резервным кавалерийским корпусом, жена – кавалерственная дама и многодетная мать, но... черт дернул Николая Михайловича неожиданно возвратиться из Воронежа, где стоял его корпус, в Петербург, и вдруг оказалось, что супруга его, пока муж был на службе, сошлась с французским генералом Ипполитом де Пире и забеременела от него. Угразило ее к приезду мужа родить сына от французца. Бороздин немедленно подал прошение императору о разводе, но Александр Первый не любил громких скандалов и уговорил Николая Михайловича не разводиться. В том же году жена Бороздина вместе с новорожденным сыном уехала в Париж, где уже ждал ее генерал Пире. Николай Михайлович отписал жене все свои имения, оговорив лишь одно условие – никогда не возвращаться в Россию. Она и не вернулась – умерла в Париже от сухотки. Похоронили ее на кладбище Монмартр, а спустя некоторое время прах перевезли в Россию и перезахоронили в семейном склепе Бороздиных в селе Костыжицы.

Николай Михайлович после отъезда жены остался без гроша в кармане с пятью детьми в возрасте от четырех до пятнадцати лет на руках. Службу он, понятное дело, не бросил. В восемьсот двадцать шестом году был произведен в генералы от кавалерии и во время русско-турецкой войны, которая последовала через три года после его производства, командовал сводным корпусом, охранявшим тыл нашей армии, переправившейся через Дунай. В двадцать девятом году, хотя и было ему всего пятьдесят два года, вышел по болезни в отставку. Жил в имении старшей дочери Елизаветы. Недолго жил – через год, приехав в столицу на выпуск двух младших дочерей из Екатерининского института, заболел и, умирая на руках жандармского генерала Балабина, просил передать императору просьбу не оставить детей. Балабин через Бенкендорфа передал, и Николай Первый пообещал Бороздину детей не оставить и прибавил, что он сам будет «их отцом». Император слово сдержал и детей Бороздина не забыл. Трех дочерей сделали фрейлинами. В воспоминаниях Александры Осиповны Смирновой-Россет по этому поводу сказано: «В это время при Дворе появились три сестры Бороздины, сироты, дети очень уважаемого отца и совершенно невозможной матери».

Похоронили генерала от кавалерии и Георгиевского кавалера в селе Костыжицы в семейном склепе, под церковью во имя Казанской иконы Божией матери, которую в восемьсот втором году сам Бороздин и построил. Там же лежат его сын – предводитель Порховского уездного дворянства Александр Николаевич и внук – Николай Александрович. При Советской власти церковь закрыли,

а ее священника в тридцать втором осудили на пять лет и сослали в Казахстан. Простоял храм до восемьдесят шестого года. К тому времени от него остались три полуразрушенных стены. Тогда же стали прокладывать здесь дорогу и бульдозером снесли остатки церкви. Прах Николая Михайловича и других Бороздиных не нашли. Могильные плиты разбили – искали в гробах ценности. Все же нашлись люди, собравшие обломки надгробных плит и устроившие памятник и памятный знак у дороги*. Мраморная плита памятного знака потрескалась, да и сам памятник не Бог весть какой – бетонный куб с медальоном-портретом Николая Михайловича, порядком обветшавший и осыпавшийся. Торчит из него арматура, а денег на приведение его в порядок, как водится, нет. В нынешнем, двадцать втором году, местные активисты выиграли грант на двести тысяч, но на восстановление памятника нужно раз в пять больше. Активисты не унывают и собираются подать документы на новый грант. Может, его и дадут...

-----

*Кстати сказать, могилы защитника батареи Раевского при Бородине генерал-майора Лихачева, умершего от ран в восьмьсот тринадцатом году и похороненного в родовом имении в деревне Тягуще Порховского уезда, теперь и вовсе найти нельзя, а уж о памятнике и говорить не приходится.

²⁹Адам Иванович Ноинский был большой любитель штрафовать крестьян. За самовольную отлучку в Петербург – двадцать пять рублей. Столько же за самовольную продажу коровы или лошади, за погребение младенца без священника. Любое ослушание каралось штрафом от двадцати до пятидесяти рублей. Крестьянин Иван Григорьев должен был заплатить пятьдесят рублей «за допущение к побегу дочерей своих, назначенных в замужество». За написание жалобы на самого Ноинского полагалось отдать ему двести рублей. Узнал, что на барина пишется жалоба, и ему не донес – приготовить двадцать пять рублей. Пирамиду штрафов венчал штраф за «вздор». Наговорил лишнего – плати двадцать пять рублей. Все штрафы аккуратно записывались и неукоснительно взимались. У некоторых крестьян суммы штрафов достигали нескольких тысяч рублей.

Это все с одной стороны, а с другой... Адам Иванович был юристом, кавалером семи российских орденов, в том числе ордена Св. Александра Невского, трижды за успехи по службе награждался императорами бриллиантовыми перстнями, причем один из этих перстней был украшен вензелем Николая Первого, дослужился до тайного советника, занимал должности воронежского губернского прокурора, члена Совета военного министра, генерал-аудитора Главного штаба... Когда он успевал, находясь на службе в столице, постоянно придумывать штрафы для крестьян – ума не приложу.

И еще. Узнав о жалобе крестьян, Ноинский написал письмо Николаю Первому в марте восьмьсот двадцать шестого года, в котором всеподданнейше доносил, что «После происшествия, случившегося в половине декабря прошедшего года в столице, неблагонамеренные распустили между крестьянами разные ложные слухи, которые достигли и моего имени. Несколько крестьян буйного нрава, злобствуя на вотчинное правление, распустили разные нелепые и возмутительные толки...».

³⁰Узнав о том, что в Порхове должна открыться богадельня, Псковский приказ общественного призрения немедленно сообщил Порховской городской думе о том, что хотел бы перевести туда пять уроженцев Порховского уезда, призреваемых в Пскове. Жуков попросил городскую думу передать в Псков, что в его богадельне будут жить только коренные жители Порхова, а не уезда.

На открытие богадельни приехал псковский губернатор, многие порховские дворяне и все чиновники. Сначала все представилось губернатору в зале местного дворянского собрания. Потом все отправились в Троицкий собор на литургию по случаю праздника Успения. После молебна духовенство, почетные гости и народ, в числе которого были тридцать два старика и старухи, одетые в форменную одежду богадельни, крестным ходом направились в богадельню для ее освящения. Там для призреваемых была приготовлена, как писали Псковские губернские ведомости, «сытная и даже роскошная трапеза». Для почетных гостей в тот же день Жуков дал праздничный обед с музыкой, а завершилось открытие богадельни и банка народным гуляньем, причем по Шелони плавали иллюминированные баркасы, на которых играли музыканты и выступали песенники. На

следующий день праздник продолжился. Вице-президент Академии наук князь Дондуков-Корсаков принял в своем имении Полоное возле Порхова губернатора и других гостей. Все закончилось обедом в честь Жукова, данным городом.

³¹В девятьсот четвертом году Жукову благодарные порховичи поставили небольшой памятник между богадельней и приютом. Имя Жукова присвоили мосту через Шелонь и проспекту. В девятьсот восемнадцатом году памятник убрали, проспект переименовали, дав ему революционное название «25 Октября», а мост был разрушен во время Великой Отечественной войны. Только строка Пушкина и сейчас выглядит как новенькая.

³²Преподобный Никандр Псковский, пустынный Порховский и Псковский – местночтимый святой, живший в шестнадцатом веке возле Порхова. После смерти преподобного Никандра, на месте его обители, был создан монастырь, который стали называть Никандровой пустынью. В двадцатые годы двадцатого века монастырь был разрушен.

³³У него действительно была такая фамилия. Я ее не придумал.

³⁴С учителями тоже все было не слава богу. Они часто менялись. Одного в тридцать шестом году перевели из Порхова в Холм «в виде наказания за леность и неумение повиноваться старшим». Другого из Холма в Порхов с целью исправления – «за беспечность и предосудительное поведение». Третьего из Порхова в Новоржев «за неприличное и дерзкое обращение с учениками». Четвертому, пятому и шестому директор делал замечания «за опаздывание на уроки и за малое усердие их к службе».

³⁵Сейчас, через полтора года, больницы в Березе и вовсе нет, а фельдшерско-акушерский медицинский пункт ликвидирован. Дотянулись туда руки оптимизаторов нашего здравоохранения и ликвидировали. Там еще и школы нет, но не о ней сейчас речь. Лечиться нужно ехать в Порхов. Правда, если вам хватит таблетки, перевязки или укола, можно добраться до волостного села Павы. Километров десять всего. В Павах есть фельдшерско-аптечный пункт. Ну, а если уж таблетки и укол не помогут – тогда в Порхов, в районную больницу. До нее тридцать шесть километров. Туда ходит автобус от Павы. Больницы и школы в селе Старые Буриги тоже нет. Старые Буриги теперь и не село, а деревня, потому как церкви там тоже нет – разобрали. И то сказать – зачем этим деревням школы и больницы, когда жителей в них осталось по несколько десятков человек в каждой, да и те большей частью живут не круглый год, а приезжают на лето.

³⁶У Петра Петровича Балавенского была родная сестра – Анфиса Петровна. К курорту Хилово она, правда, не имела никакого отношения. За девять лет до его открытия Анфиса Петровна написала драму «Честность», которая с неизменным успехом несколько лет шла на главных театральных сценах обеих столиц, что, признаться, удивительно для драмы с таким названием особенно в России. Успех объяснялся тем, что в пьесе была описана нашумевшая в свое время история тайного советника и камергера Политковского, после внезапной смерти которого выяснилось, что он, возглавляя канцелярию Комитета о раненых и распоряжаясь бесконтрольно инвалидным капиталом, украл более миллиона рублей серебром. Уже с мертвого Политковского, лежащего в Никольском соборе на катафалке в мундире, при орденах и медалях, среди которых был знак отличия «За тридцать лет беспорочной службы», сняли по приказу императора мундир, ордена, обрядили в обычный фрак, положили в сосновый гроб и стремительно отвезли отпевать в какую-то захудалую церковь на Выборгской стороне. Непосредственный начальник Политковского – генерал от инфантерии, генерал-адъютант и герой Отечественной войны Павел Николаевич Ушаков, портрет которого кисти Доу висит в известной галерее в Зимнем дворце, умереть перед судом не успел и потому был лишен звания генерал-адъютанта и отдан под суд «за беспорядки, бездействие власти и допущение важного государственного ущерба». Суд постановил его исключить из службы, возместить нанесенный ущерб и заключить на полгода в крепость, где Ушаков, не отсидев и месяца, умер от «упадка сил и расстройства организма». В общем, все умерли.

Анфиса Петровна после успеха своей криминальной драмы написала комедию «Богатая невеста», которая тоже шла на театральных сценах Петербурга и Москвы. За «Богатой невестой» последовала драма «Маскарад», сказка в одном действии «Чародейка»... и тут Балавенская представила в цензурный комитет драму «Капитанская дочка», написанную по повести Пушкина.

Двадцать пять лет добивалась Анфиса Петровна постановки своей пьесы на сцене и двадцать пять лет цензура ей этого не разрешала. Балавенская забросила драматургию и перешла на прозу. Пошли романы «Княжка Маруся», «Ненастье», «Старый дом», «Разоренье», рассказы для детей... Нужно сказать, что романы ее на полках магазинов и библиотек не пылились. Анфису Петровну даже избрали в действительные члены Общества любителей российской словесности в восемьсот восемьдесят первом году. В возрасте шестидесяти девяти лет Балавенская скончалась. Похоронили ее в Порхове. Увы, могила не сохранилась. Между прочим, читатели не знали настоящей фамилии Анфисы Петровны – публиковалась она под фамилией своего мужа Львова.

Вот, собственно, и все про Анфису Петровну Балавенскую. Остается только добавить, что ныне ее романы и пьесы не переиздаются, что читатели о ней знать не знают, но литературоведы, когда пишут о дворянских гнездах и старых домах в русской литературе девятнадцатого века, нет-нет да и вспомнят о романе «Старый дом» А.П. Львова. Сначала, конечно, напишут умное о концепции старого дома в романах Тургенева и Гончарова, в пьесах Чехова, а потом уж и Анфису Петровну упомянут. Не так уж и мало для писателя, жившего полтора столетия назад.

³⁷В девятьсот шестьдесят седьмом году в честь 50-летия Советской власти колхозу «Красная берёза» Порховского района присвоили имя Н.К. Крупской, а Берёзовской школе, построенной на собственные средства колхозниками, – имя А.Т. Яворской. В семидесятом году прах Яворской, умершей в Москве в тридцать шестом, был перенесен и захоронен в деревне Береза.

³⁸В апреле девятьсот третьего года в уезде в пятнадцать верстах от Порхова в имении «Марьино Дубрава» действительного статского советника Николая Владимировича Спиридонова Псковское губернское земство открыло низшую женскую школу сельского хозяйства и домоводства первого разряда. Преподавали в ней... можно сказать, что все. Во-первых, общеобразовательные предметы, во-вторых специальные, среди которых, как писал Вестник Псковского губернского земства, «основные сведения из естественных наук; учение о вредных для хозяйства растениях и животных; основные понятия о правильных способах возделывания земли вообще и ухода за полевыми растениями с более подробным изложением таких отраслей, кои доступны женскому труду, как то: садоводство, огородничество и др.; основные сведения по скотоводству и скотовращению вообще, и, в частности, по молочному хозяйству, свиноводству, свиноводству и рыбоводству; краткие сведения по гигиене и уходу за больными детьми; краткие сведения о главнейших законах, относящихся к крестьянскому быту, припасоведение, церковное пение и счетоводство». И такая школа с преподаванием припасоведения называлась низшей...

³⁹Алексеевский главный комитет был учрежден именованным указом от 16 июня 1905 в ознаменование рождения цесаревича Алексея Николаевича. Задачей комитета было призрение детей лиц, погибших в войну с Японией.

⁴⁰Казарм в городе не было, и солдат с унтер-офицерами разместили по домам обывателей. Офицеры квартиры могли выбирать. Солдатам и унтер-офицерам полагалось в день четыреста граммов мяса, тысяча двести граммов хлеба, сахар, чай, мука, специи... Все это им царское правительство и выдавало, по крайней мере, в первые годы войны. Кормили и в прямом, и переносном смысле на убой. В каждом доме размещалось не менее отделения. При военных кормились и хозяева домов. С учетом того, что за два года войны пуд ржаной муки подорожал в Порхове в тридцать раз...

⁴¹Еще до прибытия в город кавалерийского эскадрона, в пятнадцатом году, в Порхове произошло событие, которое можно отнести к сугубо мирным. Сын настоятеля Порховского Троицкого собора, преподаватель Новгородской духовной семинарии статский советник Евгений Евгеньевич Лебедев завершил свой фундаментальный труд по истории Порхова «Порхов и его окрестности. Исторический очерк». На тот момент это была самая полная работа по истории Порхова и уезда. Напечатали книгу в Новгороде. Порховское уездное земство выделило на ее издание двести рублей, а Порховская городская дума сто.

Окончание следует.